

ВЛАДИМИР ПОПОВ

СТАВРОГИНЫ ЗАКРЫВАЮТ АМЕРИКУ?

“... Великая раскачка, какой ещё не видел мир”, о которой бредил Пётр Верховенский из “Бесов” Достоевского, на наших глазах набирает ход. Русский гарвардец Питирим Сорокин предугадал её пришествие ещё в пятидесятые годы, в благословенные времена сбывшейся “американской мечты”: “Мы живём, мыслим, действуем на закате сияющего чувственного мира, длившегося шесть веков”. Поклоняющееся Маммоне общество потребления и вседозволенности – явление последних времён буржуазной “чувственной” цивилизации. Американский консерватор Патрик Бьюкенен в исполненном гнева и отчаяния памфлете “Смерть Запада” взывает к утраченным гражданским добродетелям потомственных янки: “Как могло случиться, что мы, нация Джефферсона, живём при диктатуре олигархии?” Он прямо обвинил президента и стоящих за ним заправил транснациональных компаний, что они, как Исав, принесли американское первородство в жертву “глобальному капитализму”.

Почему поколение NEXT неуклонно превращается в скопище Биллов, не помнящих родства? Виной тому, по Бьюкенену, ползучая “культурная революция”, зародившаяся в бунтующих университетских кампусах в шестидесятые годы. “Контркультура” под лозунгом “прав человека” отвратила Америку от республиканских и христианских идеалов отцов-основателей. К чему призывает эта новая ортодоксия? Бьюкенен с сарказмом излагает эту ересь в главе, озаглавленной “Революционный катехизис”. Воинствующий ниспровергательский дух идеологов американской “культурной революции” живо напоминает “Катехизис революционера” русского нигилиста Нечаева – прототипа знаменитого персонажа “Бесов” Ставрогина.

Эти контексты действительности, глубоко и нелицеприятно раскрытые Патриком Бьюкененом, близким советником трёх американских президентов-республиканцев, не очень-то нам в России известны. Оказывается, и в Америке есть свои диссиденты, а масс-медиа на лету подхватывают каждое их откровение. Достоевский в “Бесах” в образах нигилистов Ставрогина и Петра Верховенского прозорливо предсказал будущность этого ущербного человеческого типа, его тёмную роль в судьбах христианских наций.

И впрямь, всё то неладное, что сегодня происходит с крупными национальными государствами в условиях нарастающей глобализации, – не с неба свалилось. Транснациональные компании пестуют новый человеческий тип кочевника Перекатиполе. Это неприкаянное и себялюбивое дитя “постиндустриального общества” примечал я не раз в офисах московских бизнес-центров. Его “отечество” – компания, в которой он работает, а духовные и нравственные узы с Родиной оборваны...

Откровенные книги Бьюкенена невольно перекликаются с моими давними размышлениями о том, что происходит с нами, Россией, почему раскололось наше общество, способны ли мы, великороссы, отстоять свою самобытность и отразить натиск глобалистских сил. Так возник замысел сопоставить Россию и Америку как двух, быть может, заложниц “Нового Мирового Порядка”, где Америке определена роль разящего “наконечника копья” транснациональных корпораций, а России – “пристязной” и сырьевого лабаза пресловутого “золотого миллиарда”. И много что ещё прояснилось по ходу размышлений в работе над публицистическими заметками “Ставрогины закрывают Америку”? Надеюсь, читатель рассудит полемическую, наверное, спорную, под непривычным углом зрения авторскую концепцию и сам обо всём прочитанном поразмыслит...

...А тем часом наступает последняя стадия социокультурной мистерии, которую Бьюкенен трактует как “Смерть Запада”. Появление в Белом доме первого чернокожего президента Барака Хусейна Обамы, любимчика финансового истеблишмента Америки и выдвигенца “мультикультурной” и простившей все библейские грехи “зеленеющей Америки”, – как удар поминального колокола по Старым Добрым Временам...

I. “Балканизация” Америки

Патрик Бьюкенен горько сожалеет, что Америка как сплочённая имперская нация доживает последние сроки. И впервые от века американцев размежевали не уровень дохода, идеология и вера, а этническая принадлежность и осознание чуждости. И дело даже не в людских предрассудках, а в опрокинутых весах демографического равновесия. В 1960 году только шесть миллионов американцев не были потомками выходцев из Европы, а сегодня таких 80 миллионов! К слову, в Древнем Риме при последних императорах среди толп алчущих “хлеба и зрелищ” этнических “латинян” оставалась горстка. Не в такую ли участь нелёгкая заносит страну, где, по легенде, даже Большой Каньон был выкопан в кипучие времена Фронттира предприимчивым и трудолюбивым янки? На “готовенькое” много набирается охотников откусить от яблочного пирога.

Цунами иммиграции, по большей части незаконной, захлёстывает Америку от Западного побережья до Восточного. И возмужавшее поколение 1960-х годов, увы, не испытывает уже пламенных чувств, даже простой привязанности к “старой доброй”, то бишь белой, Америке. Билл Клинтон ещё в 1998 году с пафосом посулил студентам в Портленде, что близки времена, когда американцы европейского происхождения окажутся меньшинством нации. Чему быть, того не миновать. И Бьюкенен не зря так безутешен: “...Неуправляемая иммиграция грозит уничтожить страну, в которой мы выросли, и превратить Америку в хаотическое скопление народов, фактически не имеющих ничего общего между собой”. Грядёт-де “балканизация” Америки. На мой-то взгляд, она, пожалуй, уже неотвратима. Тем более что янки с прелестями “балканизации” знакомы не понаслышке. Албанцы в Косово некогда были немногочисленным меньшинством переселенцев, которому по доброте своей порадел интернационалист Иосиф Броз Тито, но пришёл день, и посчитались за “обиды”. За щитом американских “миротворческих” войск они безжалостно изгнали сербское большинство из их тысячелетней вотчины. Сожгли их жилища, храмы и святыни... Как варвары, убивали детей и насиловали женщин.

Белый флаг в старой Филадельфии

Неспроста прямо-таки апокалиптические предчувствия снедают и Патрику Бьюкенена. Особенно достаётся Биллу Клинтону. Бьюкенен считает, что этот “фрукт” – плоть от плоти поколения “бунтарей” и дезертиров вьетнамской войны в университетских городках в 1960-е годы. В те самые чумные 1960-е и был посеян тлетворный дух и зародилась-де “культурная революция”, которая, вкупе со вселенским нашествием иммигрантов и “изменой” интеллектуальной псевдозелиты Америки, погубила несравненный американский образ

жизни. А свод почитаемых со времён “бостонского чаепития” святынь и духовных оплотов нации отныне отдан чуть ли не на поругание. И Бьюкенен своё теперешнее умонастроение выразил цитатой трагика Еврипида: “Нет большей горести на свете, нежели утратить родину”.

А разве нам, великороссам, сегодня чуждо это чувство? Не ранит ли душу недобрая память об августе–декабре 1991 года, когда горстка случайных людей, по сути маргиналов, нахально называвших себя демократами, и сонмище примкнувших к ним расстриг с партбилетами, лжекооператоров с туго набитыми “лопатниками” и городская чернь с лёгкой душой отдали на заклание великую страну – СССР? Как на грех, аппаратчики–гэкачеписты запоздало выпустили злосчастное постановление о государственном перевороте, не сумев “завизировать” его у... противной стороны. И вскоре опрометью, наперегонки с Руцким, помчались в Форос – не то повиниться, не то за “соломоновыми” инструкциями от М. С. А к зиме уже, по новой, постановление о государственном перевороте накопал учёный дьяк от научного коммунизма “госсекретарь” Бурбулис, и в лесной чаще, воровато озираясь, трое президентов “сообразили на троих”. Филькину грамоту СНГ, ещё “горячую”, словно заговорённые, проголосовали с голоса в кремлёвских палатах народные избранники. Весь этот кошмар остался в нашей памяти как пережитое наваждение. Вот и Бьюкенен именно наваждением считает то, что сегодня американское общественное мнение, бизнес, лидеры партий и конфессий так покладисты ко всё более настырным сепаратистским требованиям и домогательствам экстремистского меньшинства. Его печалит и злит “неприкосновенность” (“политкорректность”) ненавистников его, Бьюкенена, Америки Линкольна с непоколебимой верностью идеалам Северо-Американской республики и Вудро Вильсона с его Большой Дубинкой. В 2000 году режет он дальше правду-матку, супостаты наконец-то взяли верх, а политики-традиционалисты выкинули белый флаг в Филадельфии – колыбели американского духа. Бьюкенен, в прошлом заядлый антикоммунист и поборник жёсткой линии в отношении СССР, в сердцах сетует: “... Ленинская революция потерпела крах, но революция 60-х, начавшаяся в университетских городках, оказалась более успешной. Эта революция восторжествовала не только в Америке – нет, она победила на всём Западе”.

II. “Шестидесятники”, арбатские и манхэттенские...

*...Когда старая окончательно отомрёт,
порвётся последняя связь с прошлым.*

Джордж Оруэлл. “1984”

Быть может, Патрика Бьюкенена и можно заподозрить в преувеличениях, своеобразной эсхатологической одержимости в оценках сущего, когда твердь земная явственно уходит из-под ног “старой, доброй Америки”. Такая “аввакумовского” образца ярость и в самом деле свойственна западным мыслителям и политологам фундаменталистского толка, католикам в особенности. Но не будем спешить с суждениями. На мой взгляд, куда больше интригуют невольные сопоставления американской беды с драмой России, которые возникают при внимательном чтении его рассуждений. При сопоставлении далёкого, чужого с близким и родным невольно рождаются ассоциации и загораются искры новых смыслов.

Семена чертополоха проросли...

По Бьюкенену, американские “шестидесятники” сыграли ту же роль, сомнительную и вероломную, по отношению к ценностям старшего поколения и самой судьбе страны, что и наши советские “шестидесятники”, взрастившие в своём чреве диссидентство. Нимбы с их чела давно послетали, но воинствующий антигосударственный пафос (“тоталитаризм”) “образованцев” до сих пор не унялся. Вся эта домашняя наша окаянная картина нравов как-то причудливо перекликается с сочными характеристиками, которыми удостоил своих, калифорнийских и манхэттенских, “шестидесятников” Патрик Бьюкенен.

В этих перекрёстных сопоставлениях, думаю, и главный для нас, великороссов, подтекст, и содержательная ценность памфлета “Смерть Запада”. Полагаю, семена идейного чертополоха были посеяны на нашей почве ещё в 1960–1970-е годы, да только мы не подозревали, чем они прорастут. Когда в нашумевшем фильме Антониони “Забриски Пойнт” в апельсиновом раю Калифорнии, по соседству с постиндустриальной Силиконовой долиной, чада обеспеченного среднего класса размахивали “маленькой красной книжечкой Великого Кормчего”, а речёвки “бунтарей” гласили: “Маркс, Мао, Маркузе!” – мир не ведал, что и думать про эту блажь длинноволосых грязных хиппи, вечно пребывавших в наркотическом дурмане. С нашей-то московской колокольни весь их “революционный” пыл выглядел как банальная буза незрелых папенькиных сынков. Официозная точка зрения идеологов Старой площади на ультралевое студенческое движение ниспровергателей буржуазного порядка была более чем трезвой. Она трактовала их протест как мелкобуржуазный и почти никчёмный на весах подлинной классовой борьбы, которая никогда в мире не стихала, но на других, серьёзных поприщах.

Марихуана, первач и... Макиавелли

Антикоммунизм “леваки” впитали с материнским молоком. Неспроста крупные американские корпорации явно благоволили к “революционерам”. Словно наперёд провидели в их пылкости, неуёмности, умственных задатках, готовности “ради красного словца...” что-то важное и многообещающее. На будущее пригодится. Сами “бунтари” знать не знали об этих “видах”. Но как бы то ни было, проглядывала некая латентность в политике крупных буржуазных масс-медиа и благотворительных фондов по отношению к этим “революционерам” и их контркультуре. От последней так и разило марихуаной, как от хлопцев батьки Махно – первачом из буряка. Это был, верно, прозорливый взгляд буржуазного истеблишмента на блудных детей среднего класса, намётки дальнего социального программирования, которое спустя десятилетия повлекло подспудно коренное изменение всего западного цивилизационного уклада. Бьюкенену, ратоборцу отгремевшей “холодной войны”, эта смена времён представляется, конечно же, революцией. И она внушает ему отчаяние и чувство тщеты. Эта тихая революция исподволь подточила, казалось бы, нерушимый порядок вещей, перевернула весь мир Запада “вверх тормашками”.

Истинная причина великих потрясений, которые предшествуют смене цивилизаций, – “кардинальное обновление образа мыслей”, подмечает Г. Лебон в “Психологии толпы”. И эти будущие потрясения имеют первопричиной, кто бы мог подумать, “невидимые сдвиги в человеческом мышлении”. То же – неисповедимы промыслы Истории – утверждает и Макиавелли в “Государе”: “...на наших глазах проходят перемены столь внезапные, что всякое человеческое предвидение оказывается перед ними бессильно”.

Мы в России не очень подробно и глубоко знаем социокультурный пласт, в котором происходит перемена массовых умонастроений, своего рода духовные мутации в новом поколении, которые и повергли ненароком американское общество потребления, терпимости, гедонизма и остывших христианских добродетелей в теперешнее безысходное, по убеждению автора “Смерти Запада”, состояние. И тут есть над чем поразмышлять, пусть и не веря “алармисту” Бьюкенену на слово, но взвешивая его убедительную и хорошо выстроенную концепцию, точную фактуру и пронизательное видение изнанки вещей. В “религиозной войне за душу Америки”, исход которой не менее важен, чем в войне “холодной”, даёт понять он, сторона атакующая подняла высь хоругвь “прав человека”, но на самом деле она несёт своим сторонникам не освобождение, а ярмо.

“Маркузианец” Немцов: крайности сходятся

Вот Бьюкенен роняет такое едкое замечание: “Следуя маркузианскому взгляду, массы слишком буржуазны, слишком инкорпорированы и испорчены Мэдисон-авеню (цитадель масс-медиа в Нью-Йорке. – В. П.), чтобы

знать, что для них хорошо”. И, мол, нужно навязать новообращённым “причастие” новых левых, в том числе и тем, “кто глуп”. Бьюкенен ругается, что такие вождистские и самовластные настроения в среде адептов “культурной революции” обычны. Но ведь, помилуйте, такова же повадка, ни дать ни взять, и наших “революционеров” из “Союза правых сил”. Эти тоже всё норовили ломать через колено русский психологический склад личности, страдающий невосприимчивостью к “рыночным ценностям”. Теперь им, опальным записным западникам, на смену пришла толпа кондовых и страсть как участливых, жалостливых “единороссов”, от которых воистину нет никому спасу, “пока не отдашь и последней полушки”. Они всем скопом и “на рысях” протащили через Думу пакет безумных антисоциальных законов, отправляющих треть населения на паперть, искать пропитания и крова. Впрочем, молодцам этим, в бытность прошлую серым совслужащим, носившим по разнарядке кроличьи шапки для “среднего звена” начальников, Патрик Бьюкенен что китаяская грамота...

Одна и та же “матрица”

В идеологии, а тем более в реальной политике, обычное дело – смыкание, схождение крайних мировоззренческих, даже чуждых друг другу взглядов. Так есть ли у нашего брата, великоросса, и у американского патриота, правого политика и публициста, точки схождения взглядов, сопереживание по поводу неминуемых бед для наших отечеств? Да, склонен думать, что есть. Книга “Смерть Запада”, если хорошо вчитаться в её подтексты и недоговоренности, позволяет мне выдвинуть и развить одну любопытную гипотезу. Говорю без обиняков: нельзя избавиться от ощущения, что *одна и та же матрица социального проектирования и разрушения традиционного уклада – духовного, религиозного, этического, хозяйственного – применена исподволь и к Америке, и к России*. И это пока негласная, но уже неумолимая сила. Философ Александр Зиновьев именовал её Сверхобществом – завершающей цивилизационной фазой “западнизма”. Она, эта сила, не посчитавшись с историческим наследием, духовным складом наций, русских и американцев, применила и там, и здесь одни и те же, схожие “преобразовательные” социальные технологии. Они-то до неузнаваемости и изменили, выхолостили наше житье-бытье, лишили нас радости жизни в ладу со своей совестью, наследием пращуров и всем заветным, что есть в повседневном бытии человека, семьи, коллективов и этносов. Эта гипотеза нуждается в подробном и глубоком рассмотрении на более широком историческом социокультурном фоне, чем книга Бьюкенена, осмелившегося ударить в колокол.

III. Судный день Запада?

...Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников.

Евангелие от Луки

“... Не всякий либерал готов видеть закат нашей цивилизации и новое вавилонское пленение”, – попрекает незрячих П. Бьюкенен. Тем более поразительно, что наш соотечественник Питирим Сорокин пророчески предсказал этот закат ещё полвека назад, в 1957 году, когда завершил в Гарварде издание своего многотомного труда “Культурная и социальная динамика”. Всё то, что для политика Бьюкенена – сокрушительная до неправдоподобия реальность начала XXI века в Америке, “кабинетный учёный” Сорокин предвосхитил с поразительной, до деталей, точностью. Тогда, в 1950-е годы, Америка переживала “золотой век” и слыла страной пуританских нравов. Сегодня, перечитывая Сорокина, нельзя не восхититься, каким ясновидением он обладал, провидя стремящуюся к закату Америку наших дней. Это – не магическое озарение, а точный, научный прогноз.

“Вожди их — стервятники”

П. Сорокин заложил основы современной социологии и считал, что по методу она сродни точным наукам. По его убеждению, то, во что ввергается уже в наши дни Запад, есть не что иное, как повторяющаяся “мистерия” смены социокультурных типов цивилизаций. “Исчерпание” сегодняшнего Запада как парадигмы, длящейся со времен Реформации Лютера и американского Билля о правах, — никакая не проказа Истории. Ранняя цивилизация Вавилона первой “испила чашу сию” ещё около 1200 года до нашей эры. “Конец времен” запечатлён в клинописных глиняных таблицах. Более известна судьба эллинской культуры Афин и Римской империи, их возвышения и упадка... Закономерности — одни и те же.

Самому Питириму Сорокину в молодости довелось стать участником грандиозной драмы гибели империи Романовых. В 1917 году он состоял в правительстве Керенского. Пережитое обострило его чутьё к Истории. По Сорокину, западная цивилизация — чувственного типа. Духовные основы её восходят к эпохе Возрождения, а современное капиталистическое общество — вершина и одновременно последняя, сумеречная глава долгой истории Запада. Он, как и подобает учёному и аналитику, подчёркнуто бесстрастно трактует, почему и каким образом будет развёртываться драма безвозвратного упадка социокультурного типа цивилизации, известного под названием Запад. И видение его мрачно. Воздержусь от пересказа многосложного и блестящего доказательного ряда Сорокина, почему это непременно случится. Точные датировки будущих драматических перемен в обществах западного мира он не приводит, но его резюме из 13 пунктов просто поражает силой провидения. “...Толпы отчаявшихся, вожди их — стервятники” — образы будущего. Сорокин предвещает “крушение договорного капитализма и частных свобод”, но не как торжество коммунизма в “мировом масштабе”, а как исход внутренней цивилизационной драмы Запада.

Безбожники в Кентукки, охальники на НТВ...

“Свободный римский гражданин и на закате империи напрасно взывал к священным заветам Республики, с которыми считались первые императоры. Тирания в конечном итоге сопутствует упадку”. Что-то похожее предвидел и социологический гений П. Сорокина: “Запрет любых религиозных, моральных или научных воззрений, теорий, взглядов, убеждений, которые противоречат идеям правящей фракции”. Эти уже свершившиеся, отчасти тихой сапой, запреты, откликается из наших дней Бьюкенен, могут иметь силу вердиктов судов и законодательных собраний: “В 1980 году закон штата Кентукки, предполагавший вывешивать 10 библейских заповедей в классах, был отвергнут законодателями. Заповеди якобы лишены “мирского значения”. Верховный суд США в свою очередь постановил убрать с территории одного из окружающих судов изображение Рождества. Бывший председатель Верховного суда Ренквист заявил, что это решение “...дышит ненавистью ко всем проявлениям религиозности в обществе”. Тут-то мне живо вспоминается показ по российскому НТВ богохульного американского блокбастера “Последнее искушение Христа”. Хозяева частного телеканала не вняли даже призыву Святейшего Патриарха не оскорблять чувства верующих. По контрасту — злобные поношения в либеральных СМИ одной только идеи православного просвещения в наших школах.

“Вера на веру, раса на расу...”

Бьюкенен без обиняков говорит о далеко зашедшей “дехристианизации” Америки. Евангелие уже не является воплощением духа нации, если храм Господа и капища расплодившихся “мультикультурных” язычников одинаково святы для законников — фарисеев в судейских мантиях. Даже ритуал президентской клятвы на Библии вызывает у некоторых “правозащитников” сомнения в его конституционности. Правда, на долларовой банкноте пока ещё сохранилась надпись “Мы веруем в Бога”. А какой Бог у Федеральной резерв-

ной системы? В мультикультурной Америке нынче подобие многобожия? Всё это, возвращаясь к мрачному предвидению П. Сорокина, – “трагическое зрелище” нарастающего распада западного общества и культуры. Воцарится “анархия на протяжении десятилетий” и последует “отмена всеобъемлющих прав”. А что, на взгляд социолога, произойдёт с личностью и человеческими узами? “Атомизация”. Другими словами, общество рассыплется на индивиды, а те, в свою очередь, станут друг другу чужими. И самое печальное и неизбежное – распад семьи как “священного союза мужчины и женщины”. Творческий потенциал западной культуры будет увядать, сурово предвещал Сорокин, а место творцов займут шоумены и “шустрые Алексы”... Такова физиономия будущего, как теперь принято говорить, технотронного, языческого века глазами русского духовидца, гарвардского аналитика.

А что, если на то пошло, произойдёт с сообществом наций, отношениями стран и народов, когда придёт Судный день западной цивилизации? “Сила станет правом”. И пойдут войной – “вера на веру, раса на расу”... Разве не именно это, как по-писаному, произошло в Югославии, а сейчас мы видим воочию в Ираке, на всём Ближнем Востоке? Когда Питирим Сорокин, словно в магическом зеркале, видел образы и обличия заката Великой западной цивилизации, “холодная война” ещё только разгоралась. Он полагал её преходящей, а главным сюжетом – венцом долгой “социокультурной мистерии”, учёный считал наступление своего рода нового Темного времени на Западе.

Отступничество и малодушие элиты

Быть может, взгляд Сорокина излишне бесстрастен, когда он говорит о грядущем “очищении огнём пережитой катастрофы”. А далее? Катарсис и новое воскрешение западного человека, но уже в заветах и идеалах иной, неведомо на каких духовных столпах устроенной цивилизации. Это вроде бы пафосное завершение сорокинского апокалипсиса не содержит, однако, никакого “оптимистического” фарисейства. Его проект будущего интеллектуально выверен и бесстрастен, как заключение эскулапа. Но по-человечески никакого утешения или потачки не сулит нам, живущим в самом начале Новых времён. Всякая живая душа такому противится. И Бьюкенен тоже, как подобает консерватору и традиционалисту, к подобному обескураживающему будущему для его Америки, всего Запада относится с воинствующей непримиримостью. Книга “Смерть Запада” – голос оскорблённых и преданных, заведомо терпящих поражение в битве за “душу Америки”, но не склонивших головы. Кругом автор видит отступничество и малодушие. Даже в своём кругу консервативной элиты Америки, которой мнится, что весь мир у её ног, финансовой знати Старого Света, не говоря уже о вождях племён, “дань приносящих” углеводородами.

Американский правящий класс и культурный истеблишмент, если верить свидетельству Патрика Бьюкенена, уже “приветствуют звоном счита” новую “зеленую Америку”, торжество которой он – плетью обуха не перешибёшь! – не в силах ни сдержать, ни умилостивить.

IV. “Глупов-сити” и Нью-Остоженка

...И от истины отвратят слух, и обратятся к басням.

Апостол Павел. Послание к Тимофею

Футурологи, по-старому, – вещуны, в Америке нарасхват. Они мечут пробные шары, играют роль искусителей, которые зовут вступать в чертоги Нового времени не узкими вратами, как завещал Спаситель, а весело, колобком катиться с вживлённым чипом под темечком. Олвин Тоффлер – футуролог, концептуалист и ньюсмейкер – не менее известный и красноречивый, чем Бьюкенен, в своих многочисленных писаниях словно нарочно выворачивает смыслы и оценки “Смерти Запада” наизнанку. Всё то, что у Бьюкенена вызывает ярость, негодование и сарказм, у Тоффлера – восторг и благоволение.

“Америка, сгинь и здравствуй!”

Взять хотя бы его знаменитый футурологический опус “Шок перед будущим”. У меня возникло настойчивое желание перечитать этот бестселлер Тоффлера, чтобы сличить пламенный панегирик с беспощадной, ледяной трезвостью “Смерти Запада”. И я лишний раз убедился, какой тонкой, обольстительной, усыпляющей разум и нравственное чувство и вместе до невероятия циничной может быть апологетика. Тоффлер, на первый взгляд, не малюет лубочных картинок благословенной и дерзновенной “зеленеющей Америки” – название опуса еще одного из идеологов “новой волны” Чарльза Райха, прогремевшего в 1970-е годы. А книжка Райха тоже, к слову сказать, скрытая апологетика, но только эпатажная. Его, Райха, провозвестие Новых времен пронизано духом, который можно выразить словами “Америка, сгинь и здравствуй!”. В “Иностранной литературе” можно было прочесть немало толковых статей наших американистов о новаторской концепции Райха. Кажется, ходил даже русский перевод в самиздате – своего рода интеллектуальное лакомство.

Впрочем, Райх слывёт “левым”, а вот Тоффлер принципиально “аполитичен”. Все его тексты словно в щелочке выстираны – до того он чурается конкретного политического контекста Америки. Респектабельный футуролог, входящий в гостиние Трёхсторонней комиссии. Вроде он сам по себе, вольнодумец, а такое впечатление, что он этих всех комиссий агитатор и пропагандист. А коли так, потачки от него не жди. По Тоффлеру, “боязнь будущего” (“футурошок”) – это болезнь. Страдает ею, стало быть, и Патрик Бьюкенен. Ярлычок ретрограда, одержимого фобией, – ловкий приём. Непонятно, чёрт возьми, почему непозволительно глубоко переживать, что твоя родная страна идёт вразнос, а “поколение NEXT” неумолимо превращается в скопище Биллов, не знающих родства? Заочный ответ Тоффлера “алармисту” Бьюкенену замысловат, под стать всей футурологической риторике, воспаряющей над оплотами старой веры. Это заправский ответ вещуна, а никак не аналитика: “скорость перемен имеет более важный смысл, чем направление перемен”. Это как же: “...мы шли на Одессу, а вышли к Херсону”?

“Пропащая страна”

По Тоффлеру, в какую бы преисподнюю ни увлекали страну Америку неумолимый технотронный век или, быть может, менялы с Пятой авеню – живи, не тужи и знай радуйся, что цел! Тоффлер так и брызжет казённым оптимизмом. Даже в своих поздних писаниях он не расстается со своим патетическим взглядом на вещи, начисто лишённым оглядки на противоположность Добра и Зла. То, что Питирим Сорокин полвека назад с горечью прозрел, а за ним и Бьюкенен видит перед собой уже воочию, – “мерзость социокультурной клоаки”, Тоффлера не коробит. Напротив, у него просто дух захватывает от восхищения. “Избыток культур, фрагментация общества приведут к ещё большей терпимости”, – гнёт своё вещун вопреки очевидности. Люди якобы будут “наслаждаться этим будущим”, вкушать его благодать, словно индейку в День благодарения или воскресный яблочный пирог, политый кленовым сиропом.

А ведь всё обстоит как раз наоборот! В Америке, ушедшей далеко в отрыв от всего мира в экономической, военной мощи и навязывающей свой образ жизни народам как недосягаемый образец, – дела-то дома неважные. Ужасающая статистика преступности, психических отклонений, наркомании, сексуальных аномалий, немотивированных убийств – постыдная изнанка сбывшейся Американской мечты. Бьюкенен смывает румяна с лица своей страны, опираясь на факты, авторитетные мнения, просто беспросветную обыденность “улицы”. И со всем здравым смыслом янки предостерегает: ещё немного такого “футурошока”, и мы – пропащая страна. А Тоффлер рад-радешенек, но как только доходит дело до нескрываемых уродств и моральных язв Америки, то выясняется, что это никакие не уродства, а “освобождение личности” от пут, “продвинутость” в будущее.

Любой человеческий порок или свихнутость безоговорочно, “политкорректно” признаётся за вариант нормы и торжественно помещается в пресловутую “салатницу” мультикультур. Гомосексуальные пары и браки? Хвала правам человека! Оспаривать права однополых семей усыновлять детей, быть может, есть из-за чего, но не кроется ли за этой обструкцией уж точно предосудительная гомофобия? Чем воспитание отданной содомитам в попечение сироты отличается от уголовно наказуемого растления? И, напротив, святая обязанность родителей воспитывать детей, предвещает Тоффлер, чем дальше, тем больше становится пережитком и ветхозаветной догмой. А биородители в семьях нового типа будут всё чаще склонны отдавать своих чад, чуть ли не грудных младенцев, “в семьи профессиональных родителей”. И никакой батюшка или пастор им этого не запретит. Святость брака здесь трактуется чисто по Угрюм-Бурчееву: “...по экземпляру каждого полезного животного мужского и женского пола, которые обязаны, во-первых, исполнять свойственные им работы и, во-вторых – размножаться”. Сказано, слышали, – “во-вторых!” Так, грешным делом, и в писаниях Тоффлера: материнство и семья – пережиток вроде... матриархата. А его “Город будущего” напоминает бесприютную угрюм-бурчеевскую казарму, в которую щедринский “прохвост” – градоначальник превратил город Глупов.

Итак, биородители отдают своих детей, словно сирот, родителям “по найму” с великой, пусть себялюбивой, но очень похвальной целью – добиться большего в карьере или бизнесе. Или просто пожить для себя всласть. А если кто почувствует какие-то закоренелые угрызения, то для них у Тоффлера припасен необычный аргумент. Дескать, наёмные родители – настоящие профи, куда более искушены и сведущи в своём “бизнесе”. Значит, и воспитание отпрысков за хорошие деньги окажется “эффективнее”. Да ещё умные “киберы” в подмогу. Будущая киберкормилица, когда и до этого дело дойдёт, будет, несомненно, “эффективней” Арины Родионовны.

Гекльберри Финн и поколение NEXT

Предусмотрен и ещё один вариант семейного счастья: заводить детей уже перед выходом на пенсию, купив, на выбор, эмбрион в специальной аптеке. Вот до каких высот воспарит торжество биотехнологий – и футуристического идиотизма заодно. Таков “Прекрасный новый мир” по Тоффлеру. Но перл из перлов – идея модульного брака. Это когда крупная корпорация предлагает своему перспективному менеджеру назначение в филиал на другом конце страны или вовсе за границей. Малый оставляет жену и домашний скарб на прежнем месте, а на новом фирма подыскивает ему “модульный вариант” семейного гнёздышка для молодых: точно такой же домик с лужайкой и жену тех же мастей, нрава и прочих кондиций... Тоффлер, правда, оговаривается: идея, хоть и новаторская, но пока обыватель приноравливается к “футурошоку”, в корпорациях к ней только присматриваются. И никакого морального чувства, а только прославление и предвкушение обычая нового варварства. И посулы: то ли ещё будет!

Сравнивая полярные нравственные и мировоззренческие миры Тоффлера и Бьюкенена, невольно задумываешься, как же глубок раскол в американском истеблишменте относительно того, куда идут Соединённые Штаты.

Книжку Тоффлера прочитают и намотают на ус его откровения и обольщения миллионы американских клерков, домохозяек, студентов, малограмотных оболтусов, напевающих и пританцовывающих рэп в очередях за пособием. Книжка, и вправду занятая, сделает своё дело: они, американские обыватели, примут Америку такой, какой её сделали вещицы-затейники – *другой страной*, где Гекльберри Финн выкинут из школьных хрестоматий, а сам Марк Твен причислен к расистам за недостаточную “политкорректность” высказываний. “Хижина дяди Тома” уже находится на рассмотрении новой инквизиции...

...Когда я вижу в московском супермаркете на полке рядом с пепси-колой целую кипу внезапно появившихся у нас глянцевого журналов – русскоязычных копий чтива для американских дунков и их российских подражательниц, весь этот парад геев, лесбиянок, майклов джексонов, жуликоватых гуру

и пустоголовых идолов “поколения NEXT”, — то у меня нет и тени сомнения, что “мультикультурная чума”, которая уже “перегрузила” матрицу “Америка”, и есть тот “культурный демпинг шустрых алексов”, против которого предостерегал мир ещё в незапамятном 1957 году Питирим Сорокин.

Содом и Гоморра — фитнес-клуб?

В те благословенные годы Америка была ещё “непорочна” и держала Библию у изголовья. Американская культура от комиксов до фолкнеровской высокой прозы была насквозь пронизана жизнелюбивым и пытливым духом молодой нации. Тяга к добродетели одерживала верх над грехом, а “проклятая” дарвиновская ложь, что мы все ведём свой род от обезьяны, была всё ещё под запретом в маленьких городках миссисипской глуши. В те годы в американских университетах студенты знали на память Уитмена и “Песнь о Гайавате” Лонгфелло. Публика ходила в кино на мужественного Грегори Пека, а жёны кандидатов в президенты при всём честном народе не заискивали притворно перед омерзительными толпищами избирателей-геев и лесбиянок, охотясь за их голосами. Америка, и в самом деле, была другой. А сегодня её духовность разнесена на медяки мультикультуры. Этот товарец и нам в России впаривают умело. Пусть наши “шестидесятники”, дожившие до дня сегодняшнего, и их чада лакают теперь в охотку это хлебово. А не помнящим себя от нечаянно привалившей им “дольче вита” тёмным ельциноидам — обитателям новеньких американских пентхаусов, “наехавших” на тихую старую Остоженку, и невдомёк, какой отравой окормляет “ихняя” мультикультура родных чадушек.

Никто, конечно, не вздыхает по “железному занавесу”, но не был ли он, грешным делом, не идеологическим, а, на поверку, санитарным кордоном?

У всех свобод есть и оборотная сторона. Только лукавые политики и политологи об этом помалкивают, а простофили не догадываются. В фильме “Покаяние”, одним из не опознанных сгоряча (“Дорога к Храму”) запальных фитилей горбачёвской “катастрофы”, один сугубо отрицательный персонаж злобится: “. . .хотели скрыть от нас, что мы от обезьяны произошли!” Теперь это никакая не тайна. Культурное пространство России подверглось вторжению контркультуры, для которой тип дикаря из трущоб больших городов — образец для подражания, а Бетховен всего лишь, по Сорокину, “наживка для рекламы слабительного”. У российской правящей “элиты”, увы, нет никакой печали о сдаче духовного пространства страны и культурном одичании молодого поколения. Нам, безмолвствующим, со всех телеэкранов и амвонов маскультуры идеологи “новых русских” внушают, что Содом и Гоморра — это вроде фитнес-клуба, откуда выходят с обновлённой душой и плотью, словно совершив целебные омовения в живой воде. А запалить лампадку веры можно, дескать, и в киберпространстве, среди упырей и лжепастырей этой контркультуры, а по-русски попросту — бесовщины, которая правит бал.

V. “Коллективный Гришка Отрепьев”

...Все эти убеждения о безнравственности самих оснований (христианских) современного общества, о безнравственности религии, семейства; все эти идеи об уничтожении национальностей — во имя всеобщего братства людей, о презрении к отечеству... и проч. и проч. ...захватывали, напротив, наши сердца и умы.

Фёдор Достоевский. “Дневник писателя”. 1873

“...Главное и сильнейшее потрясение царства производится стремлениями к разрушению господствующей в нём веры, — обращался адмирал А. С. Шишков к царю Александру I. — Струна эта чрезвычайной важности... Царство погибает, если народ воспламеняется мщением”. Славянофила и консерватора Шишкова передовые люди его времени причисляли к государ-

ственным мужам старого закала, с “воззрениями времён Очакова”. В школьном советском курсе истории его тоже не жаловали. Не тот ли отставной адмирал ратовал за “мокроступы” вместо иноязычного “калоши”?

“Раскалённые стрелы лукавого”

“Чудаков”-славянофилов суловские идеологи записали в реакционеры и ретрограды. А государь внял ли предостережению Шишкова, когда отправлял в ссылку реформатора Сперанского? Но не об этом речь. Вот если бы мы, непутёвые потомки русского адмирала-государственника, не отдали на поругание “господствующую” в СССР веру, то и “потрясения царства”, глядишь, удалось бы избежать. Полмира провалились в тартарары, когда Советский Союз отдали на закание “бесам”, представшим в обличье пламенных демократов из Межрегиональной группы. И блаженный омич Казанник, в порыве чувств уступивший депутатский мандат беспалому “прорабу перестройки”, не хватался бы потом за голову, когда людишки Ельцина принесли ему на Дмитровку, в Генпрокуратуру, расстрельные списки пленных вождей из сожжённого российского парламента. И Россия не умылась бы кровью, не стояла бы на паперти после дефолта. Миллионы беспризорников не смотрели бы на нас молчаливым укором. . .

Каётся Россия, прозревает, но лукавые умы и каменные сердца “бесов” от западничества, всё ещё “воспалённые мщением”, даже на крови невинных детских душ – жертв трагедии в Беслане, кощунствуют, что это всё нам ещё кара за “большевистский террор”.

“Бесы” не уймутся, пока не повалят с ног не нынешнюю худосочную “Эрэфию”, а историческую Россию. Пусть сегодня она всё ещё блуждает в потёмках, но у нашей страны есть свой, отличный от Запада путь, духовное предназначение в мире и неизменные геополитические интересы. Они, “бесы” западничества, в чуждой им стране – сироты и без пяти минут “коллективный Гришка Отрепьев”. Разве что польские паны успеют, не ровен час, их подхватить и пригреть, как незадачливого “политэмигранта” Станкевича.

“Правозащитный” доходный промысел

Двадцать лет наш народ подвергается моральной пытке, когда вся история России, во всём её трагизме и величии, вымазывается дёгтем и обливается грязью. Власть устроила дикие половецкие пляски на могилах советского пантеона. “Правозащитники” на разные лады до сих пор талдычат про “сто миллионов жертв” сталинизма – ложь, давно опровергнутая историками и архивистами. Выдающий себя за “политолога” некто Караганов не гнушается впаривать телезрителям всё те же “сапоги всмятку” про сто миллионов убиенных, убеждая колеблющихся, почему нам надо ещё пуще прежнего любить Запад и просиживать штаны в брюссельской штаб-квартире ЕС.

Пока “правозащитники” заливаются слезами о судьбе Троцкого и казачков Шкуро – гитлеровских карателей, выданных англичанами на расправу Сталину, прохвосты, называющие себя “историками”, уже разоблачают “ордынского сатрапа” Александра Невского. И под предлогом архивных изысканий любово-растно рыщут по альювам августейших семей. На деньги Сороса написаны учебники по “истории” России, в которых сплошные клевета, небылицы и святотатство. А тут ещё Швыдкой с его “Культурной революцией” и истощными воплями о “русском фашизме” и интеллигентской склонностью к русскому мату.

Помянув про швыдковскую “Культурную революцию”, мы вновь, как по писаному, угодили в совершенно схожий контекст “войны против прошлого”, но уже в Соединённых Штатах. Вот что свидетельствует про тамошних швыдких Бьюкенен: “Конечная их цель – уничтожить патриотизм, искоренить любовь к стране, деморализовать народ. . .”. Мыслимо ли такое в имперской Америке, где в каждом пригороде я видел на лужайках возле жилищ среднего класса аршинные полотнища звёздно-полосатого флага? В Америке, где пылкий казённый патриотизм, по ходячему мнению, выражен чеканной формулой: “Люби Америку или проваливай!”?

“Дети жертв” и “дети злодеев” поквитаются?

Бьюкенену, однако, ничего не мерещится. Артур Шлезингер, либеральный историк, близкий к клану Кеннеди, в унисон свидетельствует в книге, красноречиво названной “Разобщённая Америка”: “Первый шаг ликвидации народа — это стирание памяти. Уничтожьте его книги, его культуру, его историю. Попросите кого-нибудь написать новые книги... сфабриковать новую культуру... Вскоре народ начнёт забывать, кто он и кем он был”. Шлезингер цитирует персонажа романа Кундеры “Книга смеха и забвения”. А Бьюкенену не до смеха, он просто мечет громы и молнии: “...Настал черёд отцов-основателей. Джефферсон, несмотря на громкие слова о “равенстве всех людей” в Декларации независимости, владел рабами до конца своих дней... А Эндрю Джексон, по прозвищу Крепкий Орешек, по мнению историка Роберта Новака, был “убийцей, демагогом, мерзавцем и расистом...” Дальше — ещё чуднее. Оказывается, 500-летие открытия Колумбом Америки “...практически нигде не отмечалось в США, потому что открытие Америки — пустяк по сравнению с его преступлениями по отношению к индейцам-аборигенам, к которым он явился без спроса”. Автор Декларации независимости Джефферсон тоже наконец-то выведен на чистую воду законодателями штата Нью-Джерси. Они запретили цитировать Декларацию на уроках в школах. “Избранники народа” нехорошо отозвались об этой американской святыне, как о “направленной против женщин и против чернокожих и чрезмерно восхваляющей Бога...” Весь беспримерный идиотизм “политкорректности”, заискивания истеблишмента перед всем, что есть дремучего, невежественного и вздорного, под предлогом “замаливания грехов” белых перед чёрными, сквозит в этой фантазмагории “Зеленеющей Америки”.

Похоже на то, что у нас в России всё ещё впереди. Не сомневаюсь, что Александр Пушкин, глядишь, будет когда-нибудь изобличён правозащитниками как крепостник, женолюб и преследователь сексуальных меньшинств в лице достопочтенного барона Геккерна!

Таким образом, “прошлое Америки выброшено из пантеона талибами современности”, — взывает к упавшим духом янки Патрик Бьюкенен. Наконец, самая “соль” всего этого наваждения: “...поделить американцев на детей жертв и детей злодеев из прошлого Америки”. Вот это — в самую точку. То же самое — “разделяй и властвуй” — хотят проделать и с нами, многонациональным имперским народом, жившим в советские времена в согласии, взаимном уважении и дружбе друг к другу.

Янки и русаков — под сурдинку...

Никакими “репрессиями” нельзя насадить дружбу народов и бывшее крепкое “морально-политическое единство”, над которым, после резни в Таджикистане, Бендерах, Беслане и Цхинвале зубоскалят только глупцы и недруги. И нас, великороссов, тоже хотят развести по разные стороны: потомков красных комиссаров и врангелевских “корнетов оболенских”, “иногородних” и потомственных казаков, Шереметевых и Ивановых... Какие-то безумцы требуют поквитаться за “взятие Казани”. “Августейшие” проходимцы раздают лавочникам графские титулы. В мордовской деревне вдруг объявились ревнителю Великой Финляндии...

А что либеральная власть? Ей всё это любо (“мультикультурность”), кроме упоминания о великороссах и “Русском Кресте”. Так демографы прозвали драму вымирания великого народа, который собирал, строил и отстоял со времён Ивана Калиты государство-громаду, от Балтики до Берингова пролива. При словах “русский”, “русское”, “империя” — на них, “новых русских”, словно падающая накатывает. А скажи “американец” — почтение и подобострастие.

Но, оказывается, коренному янки у себя там, дома, теперь-то приходится ходить по струнке. Местные новодворские, сердчат американский “почвенник” Бьюкенен, совсем их затюкали. Странно, ей-Богу... Никак это не похоже на “издержки” развитого гражданского общества и демократического волеизъявления граждан. Одно предположение, правда, напрашивается: “колодка” этой муштры, по которой “правозащитники” в Америке и у нас под-

вергают коренной государствообразующий этнос – янки и русаков, – одна и та же.

И никто не позволил бы им так бесчинствовать и кликушествовать, если бы “большие деньги”, а именно заправила ТНК заподозрили, что поношения той “старой” Америки, которую мир прежде уважал, – “плохо для бизнеса”. “Новый человек” – Ивановых или Джонсов отпрыск, знающий назубок инструкцию, что следует считать “сексуальным домогательством” в офисе компании, этот идиотизм “политкорректности” в отношениях полов, но не читавший сроду Уитмена и Пушкина, – уже маячит на горизонте. Кто бы он ни был – не родительского он роду-племени, а никакого вовсе. Одним словом – манкурт.

Г-н Бьюкенен, “матрица”-то ваша – “made in USA”.

VI. Трагикомедии свихнутых мозгов

...Мы будем последними, но и мы станем жертвами этой всемирной чумы.

Николай Карамзин. “Письма русского путешественника”

В Новом завете сказано, что Господь “города содомские и гоморрские осудил на истребление, превратил их в пепел, показав пример будущим нечестивцам”. Эта библейская заповедь в Америке отменена... юрисдикцией судов ряда штатов. Политкорректность торжествует, а защитники прав сексуальных меньшинств – заводилы и пастыри общественного мнения. Неокон Дэвид Брук: “Мы должны не только допустить однополые браки, но и настаивать на таких браках”. Некий Йона Голдберг через интернет возвестил: “Пора взглянуть фактам в лицо: однополые побеждают”. Даже многие консерваторы старого закала, негодует Бьюкенен, стали ревностными поборниками однополых браков. Это своего рода крещендо идеологии вседозволенности, когда от общества требуют не только терпимости, но и повиновения, своего рода почитания содомии как символа раскрепощения личности.

Если граница между Добром и злом стёрта, недолго и догадаться, чья возьмёт. Если в обществе нет согласия об основополагающих моральных ценностях, ему не избежать распада. Одной демократии недостаточно. Законодатели штатов, церкви, проповедники, социологи и здравый смысл и моральное чутьё большинства сограждан восстают против этой деспотии мультикультурной революции, которая даёт произвольное толкование гражданским правам. Но семейство Джонсов уже согласно признать законность однополых браков. По последним социологическим опросам, таких уже 52%. Это люди, подчинившиеся деспотии общественного мнения. И моральное большинство терпит поражение, потому что консерваторы бессильны перед Верховным судом, который ныне вершит в Америке, обличает Бьюкенен, социальную революцию. Нет средств остановить судебный произвол и политиканство. Эта публичная и срамная трагикомедия, когда лобби голубых и розовых загнало под лавку несогласных конгрессменов, до недавнего времени воспринималась у нас в России как трагикомедия “свихнутых мозгов” богатенькой нации. Как и не менее смехотворные и вздорные уложения о “сексуальных домогательствах”, которые даже матери-настоятельницы в монастырях нашли бы чрезмерно строгими и ханжескими.

Нас-то, православных, политкорректностью не очень проймёшь. И не станем мы перед содомитами заискивать. Не тут-то было! Где Маммона царствует, там и Содому найдётся укромный уголок. Новорусские масс-медиа на диво проворно освоили апологию секс-меньшинств. Поначалу слегка конфузясь, а потом наперебой стали зазывать геев и лесбиянок на ток-шоу. И миллионы любителей скоромного славно “просветились”. И “сетевой маркетинг” содомии добрался до самой российской глубинки. Создалась видимость, что общественное мнение покладисто относится к узакониванию содомии, которая всегда числилась среди смертных грехов. Вот действие формулы “глобализация – это американизация”. У нас не только экономический, но и духовный распад. Хорошо, что он пока ещё только в мегаполисах. И наивно думать, что это “невидимая рука рынка” всучила деткам “новых русских” ходкий товар –

извращение человеческой природы под видом плотских гедонистических радостей. Мы имеем дело с идеологическим экспортом, вторжением, подавлением моральных сил общества. Общественное мнение и моральные устои расколоты. А семья — последняя твердыня.

Содомитская революция действует исподволь, и в Америке она обрела непробиваемую карту — судебную власть. Суд вне политики, он вроде как вне морали, потому что эта материя — приватная. Читая обличения Бьюкенена, можно взять в толк, до какой крайности может прийти тирания судебных, если в Верховном суде США засели потворщики неоконков и содомитов. Юстиция торжествует, а оплот веры американцев-протестантов и католиков гибнет, подвергается поношению...

Мировое лобби содомитов уже провело рекогносцировку в Первопрестольной. Поборники секс-меньшинств не раз требовали провести в Москве парад геев и лесбиянок. Стряпчие мужеложников и конституционного запрета на “дискриминацию” ловко вчинили иск властям. Римейк берлинского грандиозного парада секс-меньшинств, который возглавляют отцы города, в Москве не прошёл. Мэр Лужков упёрся, его тотчас стали честить “гомофобом”. А, явочным порядком, демонстрация геев в Охотном и под стенами Кремля кончилась тем, что им намяли бока. Власть выставили стороной виноватой, чуть ли не с черносотенцами заодно, а прогрессисты подкузовали геев качать права. Посыпались иски в суды, и пошла писать губерния... Вновь объявился и главный ньюсмейкер — уфимский обыватель с депутатским мандатом, эпатажник, хлопочущий за однополые браки из “принципа”. Вид у правдоискателя слегка плутоватый, словно он разыгрывает публику, но дело-то серьёзно. Опросы социологов показывают, что в мегаполисах “толерантность” тихой сапой закрадывается в умы продвинутых избирателей СПС, а про митрофанушек и говорить нечего.

Думаю, несолоно нам придётся. “Чума на оба ваших дома” — пустившюся во все тяжкие Америку и либеральную Россию. Так думают многие наши друзья в мире. В будущем следует ожидать главного подвоха от **судейских**. Это сегодня при “басманном” правосудии, когда наши либералы да правозащитники с ним, как кошка с собакой, содомитам ничего не обломится. Но известное дело, что если в делах собственности вроде раскулачивания Ходорковского, который с подельниками искупает грехи всей честной компании олигархов, суд обошёлся круто, то на других судебных поприщах происходит что-то невообразимое. Судейская корпорация, а не сами суды, которые подчинены лишь закону, отбились от рук общества. А продажность и податливость судейских — уже профессиональное заболевание. Независимость суда в коррумпированном и падшем моральном обществе — сомнительное благо, иллюзорная ценность. Верно, нынешний судейский состав, в большинстве, содомитам не даёт потачки. Но пройдёт немного лет, и в чёрные мантии облачатся отпрыски ельциноидов, вскормленные в совершенно иной, небывалой для России атмосфере вседозволенности. Для них Америка — свет в окошке, а рабская подражательность новорусской элиты не знает никакого удержу. И тогда моральная революция, законодательное прощение содомии могут случиться и в нашем обществе.

“Содом и Гоморра!” — это библейское восклицание перестанет быть хулой, порицанием. А как оно бывает, что общество сдаётся на милость **“сынов погибели”**, читайте у Бьюкенена.

Сент-Джон де Кревекер: “Итак, в Америке праздный находит занятие, бесполезный приносит пользу, бедный делается богатым. Правда, богатством я называю не золото и серебро, а богатство более драгоценное — землю, расчищенную под пашни... хорошие дома и прибыль детей, которые наслаждаются оным... Европа со всем её блеском не годится в подмётки...”

Это чувство достоинства, гордость, уважение к труду и семейному очагу — истонная особенность американского национального характера. Для Бьюкенена — здесь оплот традиций и добродетелей нации. “Исторически республиканцы являются нацией консервативных ценностей, — излагает Бьюкенен. — Всё это в прошлом... в Вашингтоне не осталось консерваторов. Мы потеряли Америку, быть может, навсегда. Как и когда это произошло, где мы, консерваторы, сбились с пути?”

Бьюкенен с сокрушённым сердцем и холодным умом искал ответ и в “Смерти Запада”, и в “Правых и неправых”, погружаясь всё глубже в пред-

мет. Его взгляд на грехопадение американской политической, деловой и интеллектуальной элиты стал ещё непреклоннее. “Как Ли при Геттесберге, Республиканская партия оказалась не на той стороне поля битвы”.

“Многокультурность – это фантазия, а не реальность. Это... релятивизм, то есть необязательность ценностей. Это конец общества”, – меланхолично рассуждает политолог Бассан Тиби, к слову, сам принадлежащий к космополитической элите и не чуждый либеральной риторике о стирании различий.

VII. Римейк “Все люди – прокуроры”

...Буржуа уже не довольствуется тем, что у него есть государство, которое не даёт его в обиду, но начинает рассуждать вкривь и вкось о форме этого государства и признаёт законной только ту форму, которая ему любя.
М. Е. Салтыков-Щедрин. “Благонамеренные речи”

Прежний американский истеблишмент был морально уничтожен вьетнамской войной, которую он затеял, но не смог в ней победить. В студенческих кампусах “плющевой лиги” дезертиры вьетнамской войны почитались героями, а над президентом Л. Б. Джонсоном потешались. Новое поколение американцев прикипело к контркультуре “бунтарей”. Контркультура, и это, пожалуй, чересчур смелый вывод Бьюкенена, открыла таким субъектам, как Клинтон, дорогу к вершинам власти. За треть века она стала доминирующей, оставаясь “диссидентской” по духу, а сама Америка – и это ещё один его смелый тезис – превратилась в “идеологизированное государство” и даже в “мягкую тиранию”, насаждающую принципы новой ортодоксии не через армию и полицию, а через “инквизиторов от масскультуры”.

В стране правит “политкорректность”, которая на самом деле означает нетерпимость по отношению ко всему, что перечит догмам “культурной революции”, порвавшей с Америкой отцов-основателей. Хотя их ещё не вынесли прочь из пантеона, подобно тому, как Хрущёв сподобился удалить из мавзолея брэнное тело генералиссимуса Сталина. Уже наутро после “выноса”, по моим тогдашним, ещё юношеским, ощущениям, “соборность” советского общества треснула, и страна уподобилась библейскому дому, разделённому в себе, “который не устоит”. Я хорошо помню болезненность, с которой отреагировали окружавшие меня люди на свершившееся. И это чувство раскола сопровождало моё поколение по всей жизни, независимо от убеждений. По-иному “линяла” Америка, незаметно для внешнего мира утрачивая самую душу свою в вавилонском столпотворении множющихся “мультикультур”. Выкормышей контркультуры это превращение нисколько не омрачает. Им всё нипочём.

Портлендские Митрофанушки, иванушки-интернэшнл

Как образчик помрачения умов истеблишмента Бьюкенен приводит патетический пассаж из речи, произнесённой президентом Клинтонем в Портлендском университете в 1998 году: “... Благодаря иммиграции мы не найдём преобладающего народа ни на Гавайях, ни в Хьюстоне, ни в Нью-Йорке... Ни одна нация не претерпевала такого глобального демографического сдвига в такие короткие сроки”. “... Оставаясь при этом единой нацией”, – угрюмо осаживает восторги оратора автор “Смерти Запада”. То-то обрадуются, повзрослев, портлендские Митрофанушки, что их “золотые годы” пройдут уже в Америке “третьего мира”.

Хоть наше дело – сторона, но взвесим про себя: и впрямь, чему тут радоваться? Разве в ярости своей Бьюкенен не дело говорит? Но, глядишь, чета Клинтонов и сегодня в большом фаворе у всей Америки.

Причина “смены ветров” истории и в том, что в США народилось и вступило во взрослую жизнь целое поколение, для которого “культурная революция” вовсе не революция, а привычная, свойская среда обитания. Гомосексуализм, порнография, грубая бань с телеэкранов – всё это окружает их с

колыбели. Традиционная культура им “попросту непонятна”. Это горькое наблюдение автора — камешек и в наш, российский, огород. Ведь те же беды и нас подстерегают, если “либерализм” и масскультура и дальше будут верховодить, поганить жизнь и культурную среду в нашей беззащитной России. Сделаем мысленно проекцию бюкененского пронизательного анализа, почему Америка — “пропащая”, а смиты и джонсы всё равно не нарадуются. И вот вам разгадка самодовольства, утробного счастья “новых русских” и их покорного “овечьего” отношения к тому, что через поколения мы, русские, окажемся бесправным “нацменьшинством” в собственной стране, куда прикочует всё демографическое отребье со всего света.

Уотергейт: власть — простоволосая девка

“... Сфабрикованы, — свидетельствует далее Бьюкенен, — и новые байки, превращающие то, что мы любили, в предмет ненависти, а то, чему поклонялись, делающие постыдным, если не сказать, презируемым”. Посрамлению втихомолку преданы и сохранившиеся со времен отцов-основателей американские политические институты. Они подверглись своеобразной “десакрализации”, то бишь лишения ореола, без которого она, Власть, из высокочтимой леди превращается в простоволосую девку.

При этом властвующая элита исподволь добивается тёмных политических целей, о которых публика и не подозревает. Так, по убеждению Бьюкенена, было провернуто “уотергейтское дело”, после которого внушительное консервативное “новое большинство” Ричарда Никсона развалилось. Хорошо помню загадочную атмосферу “уотергейта”, заронившую подозрения, что дело нечисто. И вот как проясняются тогдашние наши догадки. Задолго до “уотергейта” солидные американские СМИ вдруг на все лады стали обличать жупел “имперского” президентства Никсона. Он впал в немилость почти на пике популярности в народе. Слово по команде, масс-медиа “копали” под популярного президента, которому, дескать, тесны стали конституционные рамки его полномочий. “Двухходовку” с компрометацией и вынужденной отставкой вице-президента Агню, предшествовавшей уотергейтскому скандалу, с последующим изгнанием из Белого дома Никсона под угрозой неминуемого импичмента хорошо осведомленный Бьюкенен считает заговором. Устранение Никсона он полагает венцом фактического переворота. Что же такого ужасного, какое немыслимое злодейство свершил президент? Он имел неосторожность дозволить ретивым помощникам, прозванным впоследствии “водопроводчиками”, искавшим источник утечки секретной информации из Белого дома, негласно провести обыск со взломом в офисе Демократической партии. Боссы ее якобы, что-то “замышляли”. “Водопроводчиков” застукал ночной сторож, а потом “злоумышленников” взяли в оборот прокуратуры, пресса и конгрессмены-демократы. Окружной прокурор Джаворски стал карающей десницей. А публике внушили, что президент одним этим своим скверным поступком не только превысил власть, но и покусился на неприкосновенность жилища каждой американской семьи. Масс-медиа подняли невиданную истерию против президента-узурпатора. Его выставили лжесвидетелем и исадием ада. И вся эта мыльная опера кончилась драматической, на глазах миллионов телезрителей, отставкой президента и его унижительным покаянием.

“Архетип” в бухарском халате

Масс-медиа сталкивали лбами не Ричарда Милхауза Никсона и “народ”, а “имперское президентство” со священным Биллем о правах. Дальше — больше. “Все люди — президенты” — под таким патетическим названием, ни дать ни взять слоган политической пиар-кампании, Голливуд спешно выпустил на экраны боевик на сюжет “уотергейтского дела”. Герои картины — два храбрых репортера, которые якобы и вывели Никсона на чистую воду. У них, конечно, имелись узнаваемые прототипы из “Вашингтон пост”. Никто в законопослушной Америке этим “громовержцам”, дескать, не указ. Вся президентская рать сдалась на милость двум, на языке Городничего из “Ревизора”, “бумагомаракам”, вооружённым лишь пишущей машинкой и священными по-

правками к Биллю о правах. И Америка умилилась, что “все люди – президенты”, а Никсона, которого они, “молчаливое большинство”, триумфально избрали накануне президентом во второй раз, под улюлюканье выпроводили из Белого дома. Поостыв, многие, возможно, и хватились, что это “торжество американской демократии” далось уж слишком дорогой ценой – разменянной на медяки обыденности самого почитаемого в поколениях института президентства в Америке.

Виктория противников Никсона, добившихся его ухода, стала, по Бьюкенену, “архетипом политики индивидуального уничтожения”. Суть его состоит в устранении со сцены того или иного политического движения через компрометацию его лидеров. Этот заморский “архетип” живо мне припоминается, дал о себе знать на нашей отечественной политической сцене ещё раньше, чем появился на Тверской “Биг Мак”, в едком чаду горбачёвской “перестройки”. “Все люди – прокуроры” – недурной получилась бы римейк Уотергейта на местную, московскую фабулу, если “Мосфильм” успели бы к тому времени приватизировать. Кино про Гдьяна и Иванова, таких же бесстрашных, как вашингтонские репортёры, следователей-“важняков”. Они, стало быть, выступили в поход против извечного восточного “бакшиша” в советском Узбекистане. И по ходу дела до того раззадорились в праведном гневе своим, что, не ограничиваясь разоблачением ташкентской “номенклатуры”, обвинили и обличителей Старой площади в поголовной коррупции. Среди прочих “драгоценных” вещдоков следователи предъявили публике извлечённые из сундуков подозреваемых “мздоимцев” бухарские халаты с узорчатым шитьём. Гдьян и Иванов, как те же самые два репортёра, вмиг стали национальными героями, депутатами Съезда Советов. И с его высокой трибуны на глазах всей страны, что называется, “лепили горбатого”, облыжно подвёрстывали к “хлопковому делу” всё новых фигурантов, забираясь всё выше... Наш “уотергейт”, пожалуй, покруче вышел, хоть и склочней. Все, в том числе и сами праведники-обличители, оказались перепачканы в саже компромата не хуже трубочистов, но дело-то было сделано: перестроечный ЦК, который, к слову, и благословил бригаду Гдьяна расследовать коррупционное “хлопковое” дело, ославили на весь белый свет как гнездо коррупционеров. Задним умом как-то яснее стало, что ошельмованные крупные персоналии, вплоть до членов Политбюро, почему-то оказались все из числа противников генсека Горбачёва, к которому не пристало и пылинки...

“Смола и перья”: PR-почерк ТНК

По той же колодке, помню по впечатлениям работы в Государственной комиссии Совмина СССР по экономической реформе, было состряпано и “дело АНТа”, с замыслом ошельмовать Н. И. Рыжкова.

Все тот же, классический, описанный Бьюкененом архетип ошельмовывания власти и даже целой общественной формации как “преступных”. Неспрос-та при Ельцине никакие компроматы, кроме банных, были уже не в счёт. Зато в Америке этот промысел получил в “большой политике” развитие. Последовательное снятие священных покровов с власти под видом спонтанных, пылких акций гражданского общества достигло пика при Клинтоне. Президент США, тоже якобы невзначай, влип в амурную историю с Моникой Левински. Способной оказалась “стажерка”. Новая всесветная мыльная опера под кличем “Давай подробности!”, с копанием в исподнем прокуроров и сенаторов, “заячьими петлями” уличённого хозяина Белого дома, имела неназванной целью “промывание мозгов” американца из “глубинки”. Масс-медиа и “правозащитники”, заглядывающие в замочную скважину, внушали ему, что президент – не только простой смертный, но и греховодник. Моралистам и обличителям удалось повернуть мозги нации ещё немного набекрень. А про Буша-младшего Голливуд, для вящего правдоподобия, запустил в прокат документальный кинопамфлет “Фаренгейт 9/11”, где семейству Бушей приписали тесные компрометирующие связи с кланом бен Ладенов в Саудии. Картине присудили, со скандалом, Золотую пальмовую ветвь в Каннах, словно это была не агитка, а шедевр почище “Броненосца “Потёмкина””. Соедините мысленно все эти забористые сюжеты в одну цепочку и задайте себе вопрос: вывалить в смоле и

перьях институт американского президентства ещё и ещё раз – это такая уж блажь? Или холодный умысел тех, кто на самом деле “держит” Америку? Бьюкенен недоумками дает понять, что это те самые “моменты истины”, когда засвечивается стоящая за всеми этими уотергейтами теневая власть транснациональных компаний. ТНК давно ведут свои дела поверх голов национальных государств и правительств, расставляют фигуры на мировой политической сцене. Куда с меньшей оглаской проворачиваются на фондовом рынке крупные сделки со слияниями и поглощениями гигантских компаний, стоимостью иной раз в сотни миллиардов долларов. Переход из рук в руки, нередко иностранным инвесторам, стратегически важных промышленных активов происходит в такой тиши и тайне, что, видно, у национальных правительств руки коротки что-то сказать поперек. Этой незримой и самодовлеющей властью ТНК, видимо, и объясняется, что после Никсона почти все президентства были “представительскими”. Самостоятельных политиков, которые служат стране, а не Маммоне, политический класс теперь не жалуется. Зиновьев в своём исследовании “На пути к сверхобществу” называет эту теневую власть Запада “сферой Сверхгосударственности”. По его убеждению, она “не содержит в себе ни крупницы демократической власти”. Напротив, со временем обещает стать “самой деспотической в истории человечества”.

VIII. Гамильтон и “домотканая” Америка

О, Америка, ты ещё не постигла всей меры своего счастья благодаря твоему государственному устройству, твоё население и твоя мощь должны увеличиваться до такой степени, о какой не помышляет Европа!

Сент-Джон де Кревекер. “Письма американского фермера”. 1782 г.

...Александр Гамильтон, первый министр финансов США, в молодости ходивший в отчаянную штыковую атаку в битве при Йорктауне, был по духу и убеждениям **не менялой**, а твёрдым государственным патриотом. “Независимость государства связана с процветанием мануфактур”. Этот “принцип Гамильтона” восходит к незапамятным временам паровых машин, дилижансов и парусного торгового флота, но Патрик Бьюкенен убеждён, что завет одного из основателей республики – на все времена верен. “Его взгляды формировались в пламени революции и закалялись в печи войны”, – с пафосом пишет он о личности Гамильтона. Принципы экономики, предложенные им и поддержанные националистами, от Вашингтона и Мэдиссона до Теодора Рузвельта, сводились к следующему:

– Америка должна представлять собой не 13 независимых рынков, а единый рынок.

– Все тарифы, препятствующие торговле между Штатами, должны быть отменены.

– Весь экспорт и все доходы граждан США налогообложению не подлежат. Доходы от налогообложения иностранных торговцев должны идти на строительство новой столицы, создание армии и флота для защиты от “имперских хищников”.

Стратегическими целями плана Гамильтона, продолжает Бьюкенен, являлись устранение зависимости от Европы и связывание американцев “торговыми узами”. Вашингтон и Гамильтон стремились отучить Республику от привычки полагаться на внешний товарооборот, с тем чтобы впредь её не могли вовлечь в войны Старого Света. 4 июля 1789 года Вашингтон подписал первый закон, одобренный конгрессом, – Закон о тарифах. “Дайте мне приемлемые тарифы, – заявил впоследствии Авраам Линкольн, – и мы станем величайшим государством на планете”. Вплоть до Великой депрессии протекционизм был своего рода библейской заповедью для “Великой Старой партии”. С 1869-го по 1900-е годы ВВП США вырос вчетверо, а национальный долг сократился на две трети. Более половины дохода американской казны давали пошлины, которыми облагались товары из Старого Света. И вплоть до 60-х годов XX века экспортная зависимость экономики США не превышала **трёх**

процентов. К слову, как и у СССР в благоприятные годы. Таков был золотой век Америки, который ныне поминают как время благоденствия нации.

“Ретроград” Бьюкенен возносит осанну протекционизму, изоляционизму и автаркии, проклятым и осмеянным в век глобальных рынков, открытых настежь экономик. Староверство Бьюкенена, конечно же, проникнуто ностальгией по старой доброй Америке. Во всём, о чём он говорит, сквозит гордыня янки, которую Уолт Уитмен с такой же неистовой силой выразил в стихах: “... Я – американец, Сорвиголова – и во мне вся Вселенная!”

Но больше бы подошёл, пожалуй, для понимания идеалов “американизма” Патрика Бьюкенена рассудительный и исполненный чувства собственного достоинства склад мыслей и чувств старозаветных, хрестоматийных “Писем американского фермера” Сент-Джона де Кревекера. Вот как он излагает “Что такое американец?": “... Народ земледельцев, мы разбросаны по великому пространству и сообщаемся между собой посредством отменных дорог и судходных рек, связаны **ласковыми путями** снисходительного правительства. Мы уважаем закон, но не страшимся его силы, ибо он справедлив. Всеми нами движет дух усердия, ничем не скованный и никем не стеснённый, ибо каждый работает на себя... По воскресеньям в церквах... собрание добропорядочных фермеров с жёнами; одетые в домотканое полотно... среди них не будет ни единого сквайра, за исключением полуграмотного мирового судьи... Человек здесь свободен, как ему должно...” Наивно, исторически не точно, но это искреннее восприятие американской жизни простым человеком. Такие фермерские буколки, “домотканые” основы первоизданного духа Америки можно застать ещё разве что где-нибудь в горной глуши Вайоминга, у Скалистых гор. Но теперешняя технотронная Америка обитает в мегаполисах, и в этом коловращении “мультикультурного Вавилона” царствует дух Маммоны, а вовсе не отцов-основателей.

Что делало Америку Землёй обетованной для тех, кого в Старом Свете “подкосила коса лишений, глада и войны”? Какая таинственная сила была им порукой? “Сила закона и сила трудолюбия, – поведено в “Письмах американского фермера”. – Откуда приходят сами законы? От нашего правительства. Откуда происходит правительство? Оно есть плод природного гения и настойчивых притязаний народа...”. Это простая дидактика, прямота мыслей и “фермерская простота” суждений пенсильванского фермера XVIII века являет нам своего рода “онтологию” мировоззрения Бьюкенена, которое куда как не просто.

Нищета глобалистской ереси, глубина той тьмы невежества и суеверий, в кои впал ныне средний американец, наверное, никем не обличены с такой неопровержимостью, как у Бьюкенена в “Смерти Запада” и “Правых и неправых” – дилогии, в которой раскрыта с редкой откровенностью драма современной Америки – “Сияющего Храма на Холме”, свет над которым меркнет. Хоть и не скажешь – без гнева и пристрастия, но в текстах Бьюкенена не найдёшь ни грана лицемерия, ни предвзятости. Неспроста его невзлюбили американские либералы и люди истеблишмента, которому он принадлежит все десятилетия своей карьеры политика и публициста. Это такой сгусток суровых откровений, вызова совести соотечественников, укора заблудшей душе американского обывателя, которые должны лишить покоя и “простого янки”, и столпов общества.

Итак, Бьюкенен без обиняков провозглашает протекционизм, изоляционизм и автаркию для Соединённых Штатов. “Мы перешли границу между Республикой и Империей”, – цитирует он озабоченное высказывание публициста Гаррета от 1952 года, считая, что такое превращение американского великодержавия стало роковым. И это, неладное, произошло на пике американского могущества! Империалист, ратоборец отгремевшей “холодной войны” и советник трёх американских президентов, националист Патрик Бьюкенен – яростный противник имперского предназначения Соединённых Штатов – мирового “шерифа”, судьи и прокуратора, который ни с кем больше не делит ответственность за порядок во всем мире.

Бьюкенен за возврат к республике. Потому что Pax Americana и та империя, величие, бремя и профит которой обольстили американскую нацию, во все чуждые друг другу сущности! “Я не верю, не могу принять как данность тот факт, что старая республика не подлежит восстановлению, – восклицает Бьюкенен. – Или в нас говорит ностальгия, что она канула в небытие навеки?”

И корень всех бед и злосчастий нации, в которых большинство и не отдаёт себе отчёта, в том, что республиканская партия совершила “экономическое предательство”.

Золотые дукаты из ...воздуха

Способность производить богатство важнее самого богатства.

Фридрих Лист, немецкий экономист

“...Что можно сказать о поколении, предоставившем Пекину триллион долларов торговой прибыли, благодаря чему Китай приобретает оружие для утверждения своего господства в Азии и изгнания американцев из акватории Тихого океана”, – не в бровь, а в глаз высказывает Бьюкенен подноготную и астрономическую цену экономической измены его, Бьюкенена, Великой Старой партии. От такого обвинения не отмахнёшься. Даже наши домашние подголоски и услужливые клиенты дяди Сэма, которые, как я однажды обмолвился, подобно старым девам, без ума от Америки, ополчились на “охальника” и “алармиста” Бьюкенена, который ни бельмеса, дескать, не смыслит в глобальной экономике и алхимии финансов, устройстве той “мельницы счастья” Америки, на которую льёт воду весь мир, к общему благолепию, о чём, правда, этот мир по своему неразумению не догадывается. А напрасно возгордившиеся китайцы, которым обломился триллион торговой прибыли в Америке, давно уж на самом деле никакие не коммунисты, но, как прознал “парадоксов друг” ультралиберал Илларионов, проамериканский идеологический стряпчий, изгнанный с политической кухни Кремля, есть самые что ни на есть правоверные и прилежные “глобалисты”, создавшие в Поднебесной по всем статьям либеральную, комар носа не подточит, экономику. Восседающие, дескать, у дяди Сэма в кармане. И чего это ортодокс и ксенофоб Бьюкенен, понимаешь, взбеленился? Да американская экономика на одной только алхимии финансов наваривает больше богатства, чем миллиард китайцев с Тайванем в придачу, донашивающие устарелую индустриальную модель развития и мастерящие с муравьиным усердием “вещные” товары для супермаркетов. Что тот Ахилл, которому за американской “черепахой” не угнаться. У нас этим премудростям усердно наставляют митрофанушек из “новых русских” в Высшей школе экономики.

Незабвенных наших “государственных семинаристов” осенило, что советский индустриализм – сущий сизифов труд и что сотни тысяч тракторов с конвейеров и станков с ЧПУ – на кой они “рыночной” экономике? – когда одним взглядом увидели, как на фондовой бирже Нью-Йорка золотые дукаты возникают из воздуха, а компании хай-тек, всё добро которых умещается в трёх шкафах, набитых бумажными дериватами и спекулятивными фьючерсами, достигают полумиллиарда долларов капитализации. Шумейко, из бывших тогда ещё молодых советских директоров завода, на слово не поверил, но по возвращении из Нью-Йорка, ошалевший от увиденного, тотчас поведал на ТВ: и верно, в “городе жёлтого дьявола” промышленности нету начисто, а живут – припеваючи! Народ и кинулся к жулику Мавроди за фантиками, коли сам вице-премьер “прозрел”, что дураки сидели у нас в Госплане, одни “железки” на уме... Да что “железки”! Гайдар колымских старателей и вовсе огорошил: зачем драгами золото мыть на вечной мерзлоте, уродовать ся да природу обижать, если дешевле купить бруски презренного жёлтого металла на Лондонской бирже по 300 долларов за унцию! А то, что в себестоимости золота добрую половину составляет оплаченный труд и что артели обеспечивают доход, налоги и занятость на “Северах”, это как-то в учёную голову не втемяшилось, как, впрочем, и многое другое. А сегодня биржевая цена унции золота зашкалила за 600 долларов, а прииски наши стоят, многие заброшенные...

Патрик Бьюкенен – истый янки, его на мякине виртуальных “экономических чудес” не проведёшь и байками про невидимую руку рынка голову не задуришь. Природу богатства наций знает доподлинно. И вот как он видит, обнажает подноготную “экономической измены” финансового истеблишмента Америки. С 1971 года совокупный торговый дефицит США нарастал, как снеж-

ный ком, и достиг четырёх триллионов долларов с гаком. Ежегодный внешне-торговый дефицит перевалил за 700 млн долларов. И почти такой же дефицит федерального бюджета. Отрицательное сальдо торговли с Китаем в 2004 году достигло 150 млрд долларов и продолжает возрастать. Американцы потребляют китайских товаров в объеме 10 процентов от ВВП КНР. Поднебесная, сердчат Бьюкенен, импортирует менее одного процента американского ВВП. Хитрые китайцы продают в Америке миллионы компьютеров, а покупают пшеницу, сою, макулатуру, хлопок, железный скраб и даже... шкуры животных. Просто поразительно, что американский экспорт подозрительно напоминает экспорт колониальной страны XIX века! А высокотехнологичную американскую продукцию, к примеру, авиалайнеры Боинга новейшего поколения, китайское правительство закупает оптом, но с задумкой. Порядком изношенный же “сэконд хэнд” успешно сбывается российским авиационным “извозчиком”. Продавцы, охаживая богатого покупателя, сквозь пальцы смотрят на утечку новейших технологий в Поднебесную. “Нью-Йорк таймс” сообщает о 123 нарушениях американского паспортного законодательства в связи с передачей Китаю технологий производства ракет и спутников.

Итак, идёт стремительная деиндустриализация некогда первой промышленной державы мира. В 1960 году треть американцев работала в промышленности. Сегодня лишь 11%. 70% компьютеров, электроники, 60% станков и двигателей, 72% лекарств на рынках Америки – импортные. **Китай жертвует настоящим во имя будущего. Америка пренебрегает будущим ради настоящего**, заключает Бьюкенен. “Покупая импортные товары, мы платим налоги правительствам тех стран, где эти товары изготовлены”. А прославляемая глобалистами на каждом углу свобода торговли – стезя “неприкрытого двурушничества”, – по словам менеджера “Дженерал моторс” Т. Г. Стельнера. Половина продажной цены “Кадиллака” – налоги всех видов, а треть рынка у “Джи Эм” уже отбили японские компании. Следом пришли корейские, и на подходе – китайские... А “Дженерал моторс” – в долгах, как в шелках. Мольбы о протекционистских тарифах, на которые ещё решался Рональд Рейган, – глас вопиющего в пустыне. Торговый дефицит в США на рынке продаж автомобилей, грузовиков и запчастей достиг... 122 млрд долларов. От таких цифр убытков дух захватывает. Бьюкенен буквально кричит о “чудовищных последствиях” для потомков Гамильтона и Джефферсона трети века торжества свободной торговли. Вот они. Деиндустриализация Америки и потеря самодостаточности экономики. Не только потребность в товарах первой необходимости, но и в комплектующих высокотехнологичного оружия не покрывается уже без широкого использования импорта. Не за горами утрата национального суверенитета, так как “бюрократы” из ВТО якобы перекраивают и правят американское торговое законодательство. Шаткость курса доллара, из-за чего тает национальное богатство. К “яду девальвации” экономика притерпелась, а статистическое крючкотворство официальной статистики прикрывает реальное обесценивание денег и капиталов. Кризис системы социального обеспечения: американцы, потерявшие высокооплачиваемые рабочие места в промышленности, довольствуются меньшим заработком за неквалифицированную работу в сфере услуг и меньше платят налогов. Вот что стоит за футуристическими прорицаниями вхождения в фазу “экономики услуг”, когда “тупиковые” рабочие места, например, в текстильной промышленности, утрачиваются во все, как род занятий. На самом-то деле **происходит падение качества всей рабочей силы**.

Итак, Америка стала белоручкой, не в пример Германии и Японии, пока сохраняющих крупную промышленность, не говоря уже о китайских “кули”, но страна-трутень не всех своих подданных облагодетельствовала. Оклады менеджеров крупных корпораций вознеслись до небес. Фондовые спекулянты жируют, лабухи из шоу-бизнеса сорят деньгами, а американский рабочий, некогда гордость нации, вынужден считать каждый доллар. Реальная оплата наёмного труда упала до уровня начала 80-х, а по некоторым оценкам, и 70-х годов.

“Почерневшие очаги” мастерской мира

...Поскольку обитатели этого острова — Великобритании — возомнив, что имеют право разрабатывать недра земли... и извлекать из этого прибыль, стали строить плавильные печи... и варить сталь, угрожая тем же видом промышленности у нас в метрополиси, мы ныне торжественно повелеваем: лорду-наместнику в означенной Великобритании... неустанно следить, дабы ни единый из названных заводов больше не воздвигался, а построенные оказались разрушены под личные лорда-наместника страх и ответственность...

Эдикт прусского короля, 1777 год

Стало быть, и король Фридрих был свирепым протекционистом. Правда, “Эдикт прусского короля” — литературная мистификация озорника и вольнодумца Бенджамина Франклина, сочинившего политический памфлет, высмеивавший британскую корону-колонизатора, а грозное повеление лорду-наместнику в “означенной Великобритании” порушить плавильные печи — прозрачная аллегория насильственного британского протекционизма и упрямого меркантилизма, которые и породили войну за независимость Штатов.

Английский глава Питт, после победы Англии в Семилетней войне, вынул Францию уйти из Северной Америки, наказав, что если американские колонисты начнут создавать собственную промышленность, он пошлёт к берегам Америки боевые корабли и прикажет стереть мануфактуры с лица земли. Угроза осталась неосуществлённой. Гамильтоновский протекционизм, напротив, вытеснил британские товары с американского рынка. Бисмарк умело перенял “американскую веру” для Германии. Принял меры для защиты немецкого рынка и атаковал английский. “Он верил в национальную свободную торговлю, а не в международную”, — гнёт своё Бьюкенен.

А что в это время происходило в Великобритании?.. Пока американские президенты — последователи экономического национализма Гамильтона и воротилы, которых принято называть “баронами-разбойниками”, Рокфеллер, Морган, Вандербильт создавали фундамент процветания Америки, британские государственные мужи, с иронией замечает Бьюкенен, прислушивались к писакам вроде Давида Рикардо и Ричарда Кордена, главного поборника свободной торговли, именовавшего её “дипломатией Господа Бога”. Это и погубило в конце концов Мастерскую мира. “Пламя творческого порыва едва тлело в почерневших очагах британских индустриальных регионов”, а немецкие субмарины показали чудовищную уязвимость Англии перед вызванным блокадой голодом... Сегодня мы идём по её стопам, — мрачно заключил Патрик Бьюкенен. “В соперничестве двух экономических доктрин фритредерство взяло верх”. Ясно, куда он, американский националист, клонит. Но ведь это все предания давно минувших даже не лет, а веков. Мы-то все теперь обретаемся в глобальной экономике, когда не броненосцы взламывают чужие товарные рынки, а бюрократы и уставы ВТО. Тогда как свободное движение товаров, денег, технологий и рабочей силы через границы бывших национальных государств и на деле, и в святцах международного экономического порядка утвердились. Риторика открытых рынков, “евангелие глобализации”, аллилуйя фондовой бирже и монетарной “схеме” для бедных и разорённых менялами стран завладела и правыми, и левыми партиями Запада. Национальный суверенитет, самодостаточная экономика — архаика, допотопность, никчёмная вещь. Транснациональные компании внушили и элитам, и смердам, что уклониться от “объятий глобализации” всё равно что выпасть из колесницы.

Похожие погудки постоянно слышны из нашего Минэкономразвития — и гнезда монетаристов, Института переходного периода, и от так называемых, независимых экспертов, требующих немедленно похерить пошлины на ввоз импортной продукции. Потому как оно “дешевше” будет. На эту удочку не без успеха ловят интерес потребителей. Подобный единодушный консенсус случается, пожалуй, лишь у сектантов. Вот и обывательская Америка, не

унижается Бьюкенен, и малодушная Республиканская партия, чей гамилтоновский протекционизм помог создать “могущественнейшее промышленное государство на планете”, ныне спасовали перед всё той же либеральной догмой: для Америки выгодней прежде всего то, что оказывается дешевле для потребителя. Кто же в здравом уме откажется от дармовщинки? Милтон Фридман, гуру свободной торговли, посрамил Гамильтона, Линкольна и Генри Форда, и всех вместе взятых поборников экономического национализма, которые ныне защищают последние редуты, покинутые в своей непреклонности толпой.

Дмитрий Менделеев в “Заветных мыслях” тонко разобрался в “жгучем вопросе об отношениях правительства и промышленности”. “...Обаятельность фритредерства, – рассудил он, – ведя свое начало от Адама Смита, Коблена... зависела преимущественно от того, что внешнее могущество и внутреннее богатство Великобритании вместе со “свободой торговли” стали быстро и для всего мира явно возрастать. Это совпадение нисколько не случайно, а зависит преимущественно от того, что свободную внешнюю, то есть исключительно морскую торговлю, стали в Англии проповедовать и применять лишь тогда, когда прежде того два столетия укрепляли эту торговлю сильнейшими и исключительными покровительственными мерами (протекционизмом)...” “Фритредерство долго бы владело умами к великой выгоде Англии и вообще стран, успевших уже довести до избытков своё внутреннее промышленное производство и занять своё место в выгодах мировой торговли, – продолжал наш великий учёный, – если бы в противовес ему не выступили проводники промышленного германского национализма (Лист) и американского – (Кэрри)”. Как видим, Менделеев был сторонником “умеренного протекционизма”, который оказывал промышленности ещё Александр Третий-Миротворец “наперекор тем фритредерам, каких у нас в администрации и интеллигенции развелось целая уйма”... Точь-в-точь как в наши дни, с той только разницей, что некому дать им августейший окорот, вступить за отечественную промышленность, тогда как лоббисты “сырьевиков” в Минэкономразвития очертя голову бросились водворять Россию в ВТО. И только лишь благодаря сквалыжничеству и вздорным домогательствам переговорщиков янки, выторговывавших уже вовсе скандальные уступки, “триумф” наших фритредеров сохранился. И теперь, слава Богу, надолго.

“Рыночный мистицизм” и фунт жареного картофеля

...Поскольку все заинтересованные группы высказывались за свободную рыночную экономику, в то же время нуждаясь на практике в контроле, было принято решение ввести контроль на практике, подтвердив верность принципу свободной рыночной экономики.

Джон Кеннет Гэлбрейт. “Новое индустриальное общество”

Вышеприведённое высказывание Гэлбрейта, всегда с иронией относившегося к “рыночному мистицизму”, касается лицемерия, присущего поведению бюрократии во всём, что касается экономики и бизнеса. “То, что недопустимо в принципе, часто необходимо на практике”. Майкл Боскин, возглавлявший группу экономических советников при Буше-старшем, как-то глубокомысленно изрёк: “Не имеет значения, что именно производит страна – компьютерные чипы или картофельные чипсы”. Ещё более “продвинутый” поборник открытых рынков Р. Дартен из президентской администрации высказался более определённо о перспективах производства компьютерных чипов в США: “Если наши ребята не в состоянии взломать их, пусть эти штуки делают другие”.

Может быть, на государственных мужей нашло затмение? У моралиста и националиста Бьюкенена другой ответ – “предательство”. Американский суверенитет, экономическая безопасность нации принесены в жертву “богам” глобальной экономики. Не для красного словца этот лицемер Боскин ляпнул, не моргнув, что “без разницы”, дескать, что в Америке производить – чипы или чипсы.

Но какой-то умысел за этим всё-таки есть? Все предельно просто, в фунте чипов на два порядка больше добавленной стоимости, чем при жарке фунта картофеля. И затраты живого труда – тоже на два порядка выше. Стало быть, и вклад в национальный доход страны-производителя несопоставим. Чипы – на чипсы, и если представить такую меновую торговлю, – то чья сторона внакладе? Уж кто точно не внакладе, так это транснациональные корпорации! Живой труд в коммунистическом Китае – главный фактор себестоимости в производстве чипов, а китаец-рабочий на порядок дешевле для найма, чем в Штатах!

В США годовой заработок рабочего – 50 000 долларов в год, а в Китае – 2 000. В Чили доход на душу населения – одна восьмая от американского. ВВП Чили составляет 1 процент от ВВП США. “Президент Буш и торговый магнат Зеллик во всеулышание объявили договор о свободной торговле с Чили триумфом американской демократии. Они выменяли печенье на кролика”. Чилийцы, а на самом деле американские корпорации, перенесшие производство в Латинскую Америку, получили беспощадный доступ на рынок США емкостью 11 трлн долларов! Так, по словам Бьюкенена, и идет, как по маслу, “деамериканизация” крупнейших монополий США. “Мы работаем на чужаков, мы экспортируем Америку”, – мрачно заключает Бьюкенен. И с этим, увы, ничего уже нельзя поделать. Но однажды все эти дешёвые зарубежные товары перестанут быть дешевыми. Вот центробежная сила, клонящая ныне Америку к закату, свёртыванию её промышленной мощи и падению некогда самой высокой в мире производительности труда.

Глобалисты называют происходящее “творческим разрушением”. Этот “новояз”, словно в насмешку над гордыней американцев, выдаёт упадок экономики за её новый расцвет – невидимый, правда, простому глазу. Равно и дикарский, мстительный восторг российских либеральных кумушек в СМИ по поводу свертывания производства грузовиков на прозябающем ЗИЛе – из той же “оперы”. “Чертова дюжина” экспертов и системных аналитиков наперебой галдят, что чем скорее почит в бозе отечественная автомобильная промышленность, тем экономике быстрее полегчает. Наконец-то они дождались алкаемого: “срытия” промплощадки ЗИЛа! Неутомимый городской голова и думцы хлопочут, чтобы как можно быстрее высвободить свободные площади для строительства дорогого жилья и развлекательных заведений. Новая пожива для спекулянтов недвижимостью и землей. На месте легендарного ЗИЛа, говорят, вскоре появятся элитные дома с пентхаусами, офисы и, разумеется, развлекательные центры. “Творческое разрушение” добралось и до твоего наследия, легендарный директор Лихачёв! Только что-то не слышно, чтобы ЗИЛ перенёс свои конвейеры в Бишкек. **Экономика услуг, “постиндустриальное”, “информационное” общество в России, где погублены и растащены уже целые высокотехнологичные отрасли советского времени, где в Белокаменной основной социальный тип – лавочник, охранник при офисе или клерк – в уме ли они, либералы во власти?**

Куда американский конь с копытом, туда и новорусский рак с клешней!..

“Языческий огонь в чугунных плошках”

Бьюкенен без обиняков предрекает, каким будет исход “творческого разрушения” экономики, “деамериканизации”, деградации человеческого потенциала после замены технологических укладов – “чипы на чипсы”. Через два-три поколения Америка, сулит он, провалится в Третий мир! Разве это не совпадает с тем, в какую “волчью яму” сверзлись после крушения СССР семь “независимых” бывших советских республик к югу от Великороссии? И верно, одна и та же “матрица” схода с круга Истории постигла две сверхдержавы-соперницы, и она действует последовательно и неумолимо, но с временным разрывом, дав Америке разговеться и насладиться своей единственностью.

Цивилизационный провал, а точнее – санитарная “вырубка”, производимая в индустриальном мире на рубеже XX–XXI веков транснациональными компаниями, которым, по свидетельству Александра Зиновьева, уже не нужны метрополии, как в веке минувшем, потому что теперь иерархия “денежного тоталитаризма”, имеет не вертикальную, а сетевую структуру. Она прорастает сквозь ткань экономики так, что кажется, будто глобализация – это как подлесок в тайге, который идёт на смену старому лесу, в котором уже

“раздаётся топор дровосека”. Погружение в Третий мир таково, что и сами высокообразованные метрополии необратимо мутируют. Казалось бы, новый век – торжество технологий, геной инженерии и всякого рода чудес, но поглядите, что происходит с “человеческим материалом” и качеством элит. Просто оторопь берет, когда оглянешься вокруг. Ельцин – архетип пещерного “дикаря”, восставшего из небытия, пляшущий в шаманских одеждах из шкур в якутском улусе на потеху местным князькам-айщикам алмазной метрополии... И это президент, главковерх ядерной страны, Господи помилуй! А вот уже и настоящий, потомственный шаман совершает камлание, зажигает языческий огонь в чугунных плошках на глазах высокого гостя – Патриарха Всея Руси, на торжествах по поводу пуска алмазной обогатительной фабрики при полярном Айхале. Все каналы российского телевидения недавно взхлеб сообщили о международной конференции шаманов на Байкале. Хоть святых выноси! Неужто время понеслось вспять? И воскрешение шаманизма в откатившейся чуть ли не на век вспять России, архетипических культов, диких суеверий в технотронной Америке, почитание и пропаганда всякого рода чародеев, знахарей и магов в масс-медиа – черты одного и того же – матрицы погашения имперских и одухотворенных наций, янки и русаков.

Благопристойный огонь

“Нам бы их заботы!” – машет рукой наш Митрофанушка, глядя на американское разговленье на китайские займы. Мёд либеральных речей и посулов по усам течёт, дразнит его плотоядную натуру. Весь его дискурс недалеко ушёл от “баварского пива”, бочки с которым якобы катил перед собой вермахт в годы войны, но темный люд, замороженный советской пропагандой, не понял. Если либеральные масс-медиа денно и ночью потешаются над национальной гордостью великороссов и уже просто над гражданской лояльностью, открыто заступаются за барышников из оборонных НИИ, торгующих государственными секретами, то это, пожалуй, тоже открыжка “глобализации”. Раз национальный суверенитет – пережиток, обуза, то... Да, лишний раз приходишь к выводу: одна и та же матрица – идеология транснациональных компаний – настырно ведёт дело к погашению сильных национальных экономик, самосознания, суверенитетов, преемственности идеалов... Что из того, что у одного экономического “пропойцы” Джонса с семейством – пир горой, а у обобранных до нитки либеральными мошенниками Ивановых – шаром покати, – одна и та же “цивилизационная” модель взяла их в оборот. Не из грязи приходишь в князи, а наоборот.

“Сверхдержавы” больно накладны для мировых менял, время их вышло. На официальном сайте крупной американской корпорации “Моторола” вывешен её манифест: “С самого начала “Моторола” стремилась стать истинным гражданином Китая, воспринимала Китай как свой дом и сотрудничала с нашими партнёрами. Цель наших усилий – стать подлинно китайской компанией... “Моторола” намерена разместить в Китае своё производство и штаб-квартиру”. Президенту транснациональной компании осталось лишь подать заявление в КПК! Коли это нужно для бизнеса, и за этим дело не станет. Если сделать даже поправку на обычные пиар-уловки и “улещивания”, лицемерие и цинизм менял, которые “держат” капитал этой ТНК и полдюжины других, вложивших в Китай сотни миллиардов и выручивших ещё больше, то поведение своё на рынке Поднебесной они точно изобразили в манифесте – хоть и приврали, но самую малость. “Моторола” раскрывает тайную сущность глобализации, – ставит точку Патрик Бьюкенен. – Выходя на международный рынок, американская компания отказывается в верности Америке”.

Это, что ни говори, морализаторская, идеалистическая придирка. Транснациональный капитал и владычицу мира – Америку рассматривает лишь как головную контору своего мирового бизнеса. Да и только.

А разве мы, бывшая сверхдержава, уже не протоптали дорожку в Третий мир? Поводырями нашим реформаторам послужили всякие Джеффри Саксы, подбивавшие ельцинское охвостье из либеральных экономистов и сепаратистов в регионах и криминальных добытчиков “разобрать” на куски и растащить добро великой страны, попавшей в переплёт. Погодите, с той же настырностью, с какой “Уолл-стрит джорнэл” и присные домогаются, чтобы Америка открыла ворота перед переселенцами из Третьего мира, – дешёвой рабочей силой, так

и у нас, в России, разного рода аналитические конторы, идеологи “правых” и “эксперты” тишковые в один голос вещают о грядущей катастрофической нехватке рабочих рук, подсказывают правительству, что заселение Сибири, обезлюдевшей и разоренной российской глубинки, иммигрантами из стран Третьего мира полезно и даже неотвратимо во имя грядущего роста российской экономики. Уж коли Россия угодила в демографическую яму, то самой ей не выбраться. В 90-е годы никому не было дела во власти до 25 млн наших соотечественников, мыкавших нужду в странах СНГ, а теперь вдруг и китайцев зазывают, и чайнатауны в столицах городят. Эти демографические плутни имеют своих заказчиков далеко от наших пенатов. Рабочая сила – самый ходовой товар на рынке, в особенности если цена ей – демпинговая. “Права человека”, кто же против них вякнет? Интеллект, знания, культурный код поколения, выросшего не при компрадорской власти, прочь из России, а демографическое отребье дальних стран – милости просим! Такой “демографический” маркетинг ТНК практикуют не только в России. Они и в Западной Европе исподтишка успели создать этнические и демографические головоломки, которые им на руку.

Речь идёт не о людях, а о товаре, который имеет рыночную стоимость. Транснациональные компании умеют считать деньги. Для примера: в Советском Союзе доля заработной платы составляла около 50% ВВП, а вместе с потреблением из безналичных общественных фондов и все 60 с гаком. Такой убедительный подсчёт есть у экономиста Станислава Меньшикова. А сегодня эта доля ВВП, индикатор развитости и гуманности общественного строя, упала вдвое и продолжает сжиматься. Весь смысл большого манёвра с перемещением миллионов людей и целых отраслей промышленности из одной части света в другую и замыкается на этих экономических пропорциях. За ними – норма прибыли, вернее, сверхприбыли алчных мировых менял.

“Почти каждый человек, прошедший проверку своих умственных способностей, понимает, что сбыт товаров – управление спросом на товары, требует благопристойного обмана” (Джон Кеннет Гэлбрейт). Этим надувательством и пронизана вся велеречивая патетика “открытых рынков”.

“Мошенничество волей Провидения”

*Мне виделась тень Томаса Пейна, подбадривавшего ОПЕК. Я стоял рядом, но молчал.
Джон Перкинс. “Исповедь экономического убийцы”*

“...Одни люди добродетельны вслепую, другие умны и востры на нехо рошие дела. Вы ж, сэр, я в этом уверен, не напишете ничего другого, что не было бы одновременно мудрым, практичным и похвальным”, – из письма мистера Бенджамина Воузана Франклину по поводу его “Автобиографии”. В самом деле, книга одного из отцов-основателей Северо-Американских Соединенных Штатов Бенджамина Франклина и его политические памфлеты – классика американской общественной мысли. А сама личность Франклина поражает силой характера.

Для Бьюкенена “старина” Франклин – твердыня американского духа. И впрямь, читая Франклина, отдаёшь должное его острому уму и вольнолюбивой натуре. “Правда и честность издают сияющий свет, который не подделат”, – его слова. Воистину так. В “Автобиографии” есть признание про зарок, который автор дал себе, вступая в новую пору жизни: “Ни о ком не отзываться дурно, даже с целью установить истину, не искать оправданий для проступков, стремиться неизменно говорить правду”. Но вот его откровенное признание, которое, думаю, озадачит нашего брата, православного русского. Вот как Франклин повествует о своем участии как члена Ассамблеи в переговорах с индейскими старшинами в Карлайкле: “...Мы строго запретили наливать им спиртное, а когда они стали настаивать, объяснили им, что если они будут оставаться трезвыми до конца переговоров, то получат рома столько, сколько душе угодно. Переговоры прошли чинно и закончились к обоюдному удовлетворению”. И вот, оказывается, что за мораль вынес из всего этого дельца достопочтенный Бенджамин Франклин: “Если в планы Провидения входило уничтожить этих дикарей, дабы освободить место для земледельцев, вполне вероятно, что оно избрало орудием истребления ром. С помощью

рома уже истреблены племена, ранее населявшие побережье...” Вот вам благочестивый и честнейший Франклин – икона американского духа!

Всё, что янки творят в мире лихого и подлого, разумеется, “не корысти ради”, а лишь выполняя волю Провидения. В книге Бьюкенена тоже часто говорится о Провидении, но в том смысле, что оно отвернулось от Америки. Однако же о проделках глобалистов янки в России, других постсоветских странах – ни слова. Ему, американскому националисту, до этого нет никакого дела, коли в самой Америке худы дела... Но всё-таки отыскался свидетель, который раскрыл перед всем миром тайную технологию Корпорократии, симбиоза американского правительства и денежного тоталитаризма ТНК. Джон Перкинс долго собирался с духом, но всё-таки опубликовал “Исповедь экономического убийцы”. Это ремесло, которому его, способного экономиста-аналитика, обучали и натаскивали в одной крупной консалтинговой компании, где под одной крышей работали американские спецслужбы и выполнялись правительственные программы экономической “помощи”. Экономические убийцы (ЭУ) – в своем избранном кругу эти эксперты так себя и величали. Занятия и целеполагания этой когорты экономических советников туземных правительств сводились к тому, чтобы заманить страну в финансовую кабалу и лишить её контроля над своими природными ресурсами, инфраструктурой и даже спецслужбами. “Нам хорошо платят за то, что мы обманным путем уводим из разных стран мира миллиарды долларов”. Под предлогом щедрых иностранных инвестиций и либеральных рыночных “реформ” целый ряд стран Латинской Америки, Африки, Ближнего Востока попали в кабалу. Ещё одно задание ЭУ – контроль США над нефтяными месторождениями, где бы они ни находились, являясь частью замысла Провидения. Те, кто консультировал “зависимые правительства”, называли это “освоением дикого Запада энергетики”.

В богатом нефтью Эквадоре команда ЭУ славно потрудились. За три десятилетия “реформ” на американских помочах государственный долг возрос с 240 млн до 16 млрд долларов. Половину выручки от нефти страна тратит на выплату внешнего долга... Те, кто соучаствовал в разграблении страны, свидетельствует Перкинс, оценивали свою роль как вполне благородную, оптимисты же считали, что они помогают бедной стране. Они и не входили ни в какой тайный сговор, а были просто порученцами, лазутчиками – чистоделами Системы Корпорократии, по признанию автора, самой изощренной формы империализма из всех, какие только видел мир.

Шокотерапия “сработала” и в России 90-х годов, обернувшись хаосом, потрясениями, утратой сбережений промышленности и домохозяйств. И “макроэкономист” Джеффри Сакс с чувством исполненного долга отбыл восвояси, а его сменили сменщики из Гарварда. Эти подучили и подвигли “рыжего Толика” на наглую аферу с ваучерами. Особую прыть советнички Госкомимущества выказали в распродаже за гроши тёмным личностям ключевых предприятий-банкротов ВПК. А по возвращении к академическим занятиям в “плющевой лиге” “гарвардцы” угодили под суд за расхищение денег американских налогоплательщиков, пожалованных на рыночные “реформы” в России. “Настоящие мафиозо”, как выразился раскаявшийся ЭУ Джон Перкинс о себе и коллегах-“экспертах”, чьё ремесло доводит до банкротства опекаемую страну.

“Исповедь экономического убийцы” – редкое свидетельство из замкнутого мирка Корпорократии. Это книга думающего и совестливого человека, первого решившегося раскрыть корпоративные секреты. Им двигало раскаяние и неспокойная совесть... Немного кто на такое, рискованное, решится. Перкинс видит сходство сегодняшней мировой Корпорократии с “эгоцентричной”, и, в конечном счёте, саморазрушительной системой меркантилизма бывлой Британской империи. Том Пейн и Джефферсон, по его словам, разоблачили скрытую суть происходящего. Поняли, как Британская империя манипулировала ими, обманывала, порабощала их. И они раскрыли глаза на это соотечественникам, воспламенив их умы и сердца. Они, отцы-основатели, его, Перкинса, и подвигли на поступок. Он не хотел больше участвовать в эксплуатации отчаявшихся людей и ограблении планеты в пользу США. И нашел в себе мужество выйти из Игры и повиниться перед теми, кого обманывал.

А сколько таких тихих “экономических убийц”, с непопрехоженной совестью, пустыми душами и медными лбами, засели на всех этажах российского истеблишмента. Свои, доморощенные, не из Америки выписанные, они-то когда прозреют?

(Окончание следует)